Эдуард Хруцкий

Хроника Видлицкой коммуны

Издательство
политической литературы
Москва 1974

9(С)22
Х95

Хруцкий Э. А.
Х95 Хроника Видлицкой коммуны М., Политиздат, 1974
79 с

В книге рассказывается о бурных драматических событиях, происходивших в пограничном карельском селе Видлица в суровые революционные 1918—1919 годы. Коммунисты, крестьянская беднота повели напряженную борьбу с кулаками, изгнали их из местных органов власти, вместе с пограничниками зорко охраняли государственную границу РСФСР. Весной 1919 года они приняли неравный бой с вторгшимися на советскую территорию интервентами и белогвардейцами, многие героически погибли, но не отступили. Прибывшие на помощь отряды бойцов Красной Армии отрезали путь захватчикам. Советская власть в Видлице была восстановлена.

Х $\frac{10604—108}{079(02)—74}$ 237—73 9(С)22

© ПОЛИТИЗДАТ 1974 г.

Вода была черной И солнце отражалось в ней, словно в старом зеркале Позже к обеду, Ладожское озеро станет светлым и радостным почти таким же, как небо над ним А рано утром кажется что ночь окрасила воду густой, почти чернильной темнотой

Еще совсем рано Устав за день спит село Видлица Только первый рыбак выехал на промысел Ветер с Ладоги доносит прерывистый стук мотора Он совсем теплый этот ветер Теплый и упругий И пахнет рыбой и мокрыми сетями

Тихо Так тихо, что кажется здесь никогда не нарушались незыблемость и покой. Но я хочу рассказать не об озере не о лесе по его берегам Мой рассказ о том времени, мужественном и прекрасном когда ветер с Ладоги пах порохом и дымом О людях, строивших и защищавших Советскую власть в Видлице О питерских коммунарах и крестьянах карелах о матросах ставших пограничниками и чекистах Всех вместе их объединяло одно дело одни помыслы — высокие и чистые Они боролись за утверждение на земле коммунистических идеалов — за коммуну Поэтому я и назвал свой рассказ «ХРОНИКА ВИДЛИЦКОЙ КОММУНЫ»

Сентябрь 1918 года. Петроград
Финляндский вокзал

15 сентября 1918 года к перрону Финляндского вокзала Петрограда подошел поезд. Из теплушек и классных вагонов вывалилась на перрон многоголосая толпа. Раненые в измазанных глиной шинелях юркие личности в теплых бекешах, одетые в зипуны мешочники. У выхода чекисты в кожанках и матросы-балтийцы проверяли багаж и документы. Вот уже кого-то повели в комендатуру вокзала.

— Документы!

Пауза. Потом короткое «Проходи!» Или еще короче, как выстрел: «Задержать».

Документы Михаила проверял худой чекист в вытертой кожаной куртке. Пока он читал истертые на сгибах пожелтевшие бумажки с синей печатью Путиловского завода, Розенштейн успел как следует разглядеть его. «Наверное, туберкулезный — подумал Михаил — такое же лицо было у Вани Свиридова в Саратовской тюрьме. Худой совсем, а румянец пятнами».

— Проходи, товарищ Розенштейн — чекист протянул ему документы и, видимо, сразу же забыл о нем. Очередь напирала.

Михаил поправил на плече тощий мешок и через зал, набитый людьми, вышел на площадь.

Над городом висело неяркое осеннее солнце. Но все равно оно было щедрым, это солнце. И город в его лучах казался нарядным, как кавалергардская кираса. Тепло горели купола соборов, золотился адмиралтейский шпиль, нарядно блестели зеркальные стекла домов. Свежий ветер с залива тащил по тротуарам клочья афиш и декретов. Каждое утро их срывали, чтобы наклеить новые. Они словно отсчитывали лихорадочный пульс времени.

«Товарищ! Спешите открыть первая пролетарская студия живописи!»

«Отдадим осьмушку хлеба голодающим детям Петрограда!»

«Посетите кафе «Синий уголок» Поэзия эрос утонченные наслаждения!»

«К жителям Петрограда Г К. сообщает...»

Михаил на ходу читал аршинные буквы плакатов Узнавал жизнь северной столицы

Петроград. Путиловский завод

— Михаил! Мишка! Розенштейн! Ну брат тебя не узнать. Ишь бороду какую отпустил чистый генерал Скобелев Откуда ты?

— С фронта

— Надолго?

— Не знаю Вызван в распоряжение Петроградской партийной организации А ты то как, Василий?

— А я, брат на фронт К Сиверсу в отряд на Дон Так что, видишь и поговорить нам с тобой некогда.

Они обнялись

— Значит, прибыл Розенштейн — Глаза у председателя заводского комитета Путиловского завода красные от бессонницы Голос хриплый сорванный криком на митингах и руганью по телефону

На столе наган из-под бумаг выглядывает эмалированный чайник обтоманный кусок хлеба

— Садись Розенштейн разговор у нас будет Правда недолгий разговор со временем — во — и председатель ребром ладони по горлу провел — Ты о положении в Питере знаешь?

— Знаю

— Поедешь в Олонецкую губернию в Видлицу

— Это туда где чугуноплавильный завод наш?

— Туда У нас нет дров Нет у завода топлива А лес лежит в Видлице много леса На заводе Видлицком нет рабочего контроля Местный Совет уцепился за это и постановил считать завод предприятием частным и на-

логом его обложил. Понимаешь? Вот то-то. Кому-то выгодно, чтобы Путиловский завод стал, а есть сведения, что уходит наш лес на финскую сторону. Мы назначаем тебя председателем контрольной комиссии. В помощь тебе даем Александра Некрасова.

— Слесаря?

— Его. Других помощников на месте ищи. Помни только: *Видлица — село пограничное*. А что *на границе* делается, не тебе объяснять. Из Мурманска по железной дороге в сторону Петрозаводска англичане с беляками наступают, так что можно ожидать всего. Так что получай мандат и езжай топливо Питеру добывать.

— Я ж с поезда только.

— Ясно, Михаил, отдохни. Сутки тебе на отдых, на всякие тары-бары и — двигай в Олонецкую губернию в помощь тамошним большевикам.

Октябрь 1918 года. Село Видлица.

Письмо в Петрозаводский окружной комитет РКП(б)

«Товарищи! Я делегирован Путиловским заводом заводским комитетом в село Видлицы Олонецкого уезда, где оказалось [что] Совдеп эсеровский и наших организаций нет. Среди же публики возможно найти сочувствующих и есть возможность организовать коллектив коммунистов. Я, член Российской Коммунистической партии большевиков считаю своей обязанностью организовать коллектив коммунистов. Поэтому прошу мне прислать Устав партии и 35 членских билетов а также указать в отдельности то что нет в Уставе. Как быть с теми товарищами у кого нет рекомендации член на партии (я должен сказать [что] кроме одного меня, нет коммунистов)? Второе какие брать членские взносы с пограничников Красной Армии?

Член Петербургской организации Российской Коммунистической партии (большевиков) № 1240 членской книжки Михаил Евстафьевич *Розенштейн*

28 сентября 1918 г.»

...Что говорить. Видлица — село видное. Немного таких в губернии. Зажиточное село. Дома в нем добротные, благо строевой лес рядом. Лучшие, конечно, у кулаков. У Тужинена дом двухэтажный, рядом такой же Куйкина, рыбника, чуть подальше Никитина, купца, и усадьба Гаврилова, мукомола. Весь народ в селе сплошь в долговых расписках у богатеев. По переписи 1913 года, в селе купцов числилось семь, потомственных почетных граждан — десять. А остальных — более двух тысяч. Некогда, видно, было земскому статистику пересчитывать мужиков. Более двух тысяч, и весь разговор.

До уездного центра — Олонца — сорок пять верст лесом. Кажется, что за расстояние, плевое дело добраться, а все же трудновато. А самой толк добираться, на Совет жаловаться смысла нет. В Олонце в уездном Совете эсеры верховодят. Да и не только в Олонце. Власть в губернии у большевиков, но все же сильно эсеровское влияние в Пудожском, Олонецком и Повенецком уездах. Эсеровские Советы всячески тормозили проведение декретов Советской власти. Особенно декрета о комитетах бедноты. 11 июня 1918 года ВЦИК принял декрет «Об организации деревенской бедноты и снабжении ее хлебом, предметами первой необходимости и сельскохозяйственными орудиями». Декрет подписали Председатель ВЦИК Я. Свердлов, Председатель Совета Народных Комиссаров В. Ульянов (Ленин), секретарь В. Аванесов.

В августе того же года в Олонецкой губернии было принято «Положение о комитетах деревенской бедноты». Но прошел месяц, а в Видлице мало что изменилось. Сидел секретарем Совета сын Гаврилова — Митька, бывший прапорщик. Только погоны с френча отпорол да вместо Георгиевского креста на грудь красный бант приколол — вот и все перемены.

А земля, рыбный промысел, как были у Тужинена, да Никитина, да Куйкина, так и остались. А о Гаврилове и говорить нечего: сынок — власть.

Видлицкий завод

Розенштейн проснулся от громкого стука. Несколько секунд лежал в темноте, еще не отойдя ото сна. Потом понял, что кто-то стучит в оконную раму.

Михаил пошарил ногами сапоги, они выстудились на полу, и ноги после тепла словно в холодную воду попали, набросил на плечи шинель, достал наган.

Сразу к окну не пошел. Встал у стены рядом, начал вглядываться в темноту. За чернотой стекла белело чье-то лицо.

— Кто там?

— Егоров, уполномоченный Петрозаводской ЧК. Мне Розенштейн нужен.

— Сейчас открою.

Михаил зажег свечу и пошел отворять дверь.

Гость устало опустился на табурет у стола. Был он невысок, худощав, в очках с металлической оправой.

— Ну, здравствуй, председатель комиссии.

— Здравствуй, уполномоченный.

— Устал я к тебе добираясь,— Егоров снял очки, протер стекла платком,— дорога длинная, а нужда срочная очень.

— Чаю согреть?

— Надо бы, да времени мало. Так что давай, Михаил Евстафьевич, поговорим.

— Ишь ты, уже и отчество мое знаешь.

— Дело не мудреное. Я письмо о тебе в губкоме читал, письмо с Путиловского. Очень вовремя ты приехал, товарищ Розенштейн, очень вовремя. Ты с обстановкой знаком?

— В общих чертах.

— Значит, считай, что незнаком. Вот ты письмо писал, в нем правильно говоришь, что Совет в Видлице эсеровский. Поэтому главное сейчас — изгнать эсеров оттуда. Комитет бедноты создать нужно, он должен стать властью.

— Это я понимаю. А как с местным Советом быть-то?

— Ну, от тебя, путиловца, политкаторжанина и участника социалистической революции, я этого вопроса не ожидал.

— Понял. Это мнение твое или уездной партийной организации?

— И мое,— Егоров опять полез за платком,— и организации. Но о другом я тебе хочу рассказать. Видлица — село пограничное. Застава есть, отряд пограничников. Но этого мало, обстановка требует от всех, чтобы именно здесь стал наш опорный пункт. Кулачье отсюда хлеб и лес за кордон вывозит. С той стороны люди приходят к нам. На сопредельной стороне, в Мансиле, «Карельское просветительное общество». Знаешь, что это такое?

— Нет,— Розенштейн встал, взял кисет со стула, около кровати,— не знаю ничего об этой организации.

— Под этой вывеской работают фактически определенные круги финской буржуазии, которые хотят захватить Карелию. За кордоном они формируют отряды, вооружают их. Будто бы карелы сами восстали против большевиков. А тогда они защиты у финского правительства *попросят*. Ясно?

— Теперь ясно.

— Помни другое. Там же в Мансиле и белые офицеры собираются. А сообщники их здесь, в Видлице. У нас на этот счет точные данные есть. Вот почему нам и нужно, чтобы вы очистили Совет от эсеров, чтобы рабочие и крестьяне в Совете верх взяли. Поможет тебе Быков, начальник погранотряда, и его комиссар Розов. Ну, я пойду. Мне еще на заставу нужно. Ждем мы кое-кого.

Дом Гаврилова

— Что-то я вас не узнаю, господин прапорщик. Нет, не узнаю. Вы же власть, секретарь Совета — и вдруг такое странное, мягко говоря, настроение.

Сегодня ночью к Гаврилову пришел гость из-за кордона. Бывший Митькин командир батальона капитан Сомов. Он сидел за уставленным закусками столом, курил пахучую американскую сигарету, щурил от дыма зеленые, как у кота, глаза.

— Так как же?

— А что, господин капитан, думать-то — старший Гаврилов, большой, грузный, сидел по-ночному време-

ии за столом в одной исподней рубахе — что думать-то? Питерского комиссара мы конечно кончим Дело в другом Когда?

— Скоро господа очень скоро Союзники ведут наступление с севера Шюцкоровцы вооружены формируется русская офицерская дружина. Скоро Но до этого времени Видлица должна быть нашим опорным пунктом

— Скорей бы — Гаврилов-старший перекрестился,— скорей бы а то совсем житья не стало Ты чего молчишь Митька?

— А чего говорить — лениво цедя слова на гвардейский манер сказал Митька — к эти два дня все сделаем Не в первый раз.

— Рад что не ошибся в вас — Сомов поднялся.— Пора

— А закусить,— засуетился Митька — как же господин капитан.

— Потом, потом Мне к рассвету на той стороне быть надо

Госграница РСФСР

Дождь перестал и сразу же стало тихо-тихо Настолько тихо, что было слышно как на той стороне в Мансиле надрывно лает собака.

— Закурить бы — прошептал Розов — два часа лежим мочи нет а, товарищ Егоров

— Нельзя Ночь слушай

Уже с полуночи они лежали в кустах у границы уполномоченный ЧК Егоров комиссар погранучастка Розов и трое бойцов С той стороны надежные люди сообщили что в Видлицу пошел человек Только сообщили поздно, когда нарушитель пересек границу Зато Егоров точно знал тропинку по которой он пойдет обратно

Третий час уполномоченный ЧК с пограничниками лежат в мокрых от дождя кустах

Егорову очень нужен был этот человек Арест его помог бы совершенно точно уличить эсеров в связях с заграничными белогвардейскими организациями. Ме-

сяц лазил уполномоченный по границе ждал И вот наконец дождался

Где-то затрещали кусты за воротник поползли холодные капли Видимо, пограничник перевернулся на другой бок Егоров беззвучно выругался

И снова тишина

Шаги он услышал внезапно Они были легки и быстры. Кто то шел к границе Егоров толкнул Розова и потянул из кобуры наган

А шаги все ближе и ближе. И вдруг стихли Глаза привыкшие к темноте уже различали смутные очертания человека Но брать его было нельзя Нарушитель мог уйти а он был нужен живым

До границы оставалось метров триста Один рывок оставался до границы Десять минут ходьбы Поэтому Сомов слушал ночь Она была тревожной эта ночь Потому что за каждым кустом его могла ожидать засада

Капитан нащупал в кармане гранату снял с предохранителя второй маузер Ничего Если что он прорвется Сколько в наряде может быть человек? От силы двое А у него два маузера по три запасных обоймы к каждому и граната

Ничего Он прорвется Сомов постоял послушал и сделал первый шаг

Егоров слышал металлический щелчок Слышал даже скрип кожи «Он — подумал чекист — точно он так скрипит только кожаная куртка»

Из-за кордона точно сообщили что нарушитель будет одет в черную кожанку с защитным правым рукавом «Пусть подойдет ближе» Егоров сжался для прыжка

— Стой! — крикнул за его спиной выскочив из-за кустов пограничник.— Стой, стрелять буду!

Сомов выстрелил на голос и, падая рванул из кармана гранату

«Ничего, их двое пробьюсь»

Граната рванула глухо и страшно На секунду вспышка взрыва вырвала из темноты кусты, черные от

дождя деревья человеческую фигуру с раскинутыми словно для полета руками

Сомов рванулся вперед сразу за взрывом стреляя из маузера веером

— Эх не взять,— крикнул комиссар Розов — уйдет он, сынпь, чекист! — Он выпустил по огонькам выстрелов девять тяжелых пуль из своего кольта.

Егоров услышал, как шагах в десяти кто то упал с треском ломая кусты. Искали они минут десять, шаря фонарем по мокрой земле Человек лежал на боку подобрав к животу колени, откинув в их сторону руку с бесполезным маузером

Капитан Сомов был мертв

Видлица. Дом Богданова

Розенштейн шел к Богданову Ночью после того, как ушел Егоров он долго размышлял над словами чекиста Сразу после приезда он думал выполнить поручения завкома помочь местным беднякам да обратно в Питер Но теперь выходило наоборот Нужно здесь порядок навести Не наведет — дров Путиловский завод не получит Сложное здесь дело оказалось Намного сложнее чем раньше представлялось

Но несмотря на это, Михаил твердо знал одно необходимо сколачивать бедняков — крестьян и рабочих делать так, чтобы они сами были здесь настоящей властью Без всяких эсеров И делать это нужно прямо сейчас Потому что времени у него нет в Петрограде ждут там крепко надеются на него

Дом Богданова стоял за церковью Маленький, неказистый окна у самой земли Михаил отряхнул сапоги и толкнул дверь

В просторной горнице на лавках по стене и у стола сидели мужики, человек десять Большинство в старых солдатских шинелях Это обрадовало Михаила. Значит народ бывалый из фронтовиков Он поздоровался с каждым за руку и сел к столу

— Разговор у нас, товарищи, будет не длинный. Решать нам пора, как дальше быть Скоро год как Советская власть существует а у нас в Видлице сила все еще у богатеев

Мужики молчали только дымили самокрутками

— Ты, товарищ Богданов председатель комбеда, как ты интересы трудящихся защищаешь,— Розенштейн ткнул окурок в консервную банку,— как скажи мне?

— Дорогой ты мой товарищ Розенштейн у них же Совет, власть, а мы что?

— У Керенского тоже власть была, только нам она во где — Михаил ребром ладони по горлу провел — и скинули мы ее Понял? Чему нас товарищ Ленин учит? Гнать нвдо всех этих кулаков и эсеров из Совета Я хочу вам одну газетку прочесть

Розенштейн достал из кармана «Известия Олонецкого губсовета»

— Слушайте

Он откашлялся и начал

— «Товарищи бедняки деревни! Довольно вам страдать и выслушивать нравоучение власть имущих зажиточных крестьян-кулаков деревни которые под видом благодетелей затемняют вам разум и дают вам хлеб по цене [по] которой вам нет возможности купить или прячут от вас хлеб, зарывая его в землю или продавая его спекулянтам тогда как они на это не имеют никакого права Сейчас ваша жизнь висит на волоске Вы можете умереть с голоду если не возьметесь за ум и не сорганизуете комитетов крестьянской бедноты и не возьмете весь хлеб от богатеев на учет для правильного распределения между всеми голодающими К вам товарищи бедняки идет навстречу центральная ваша рабочая и крестьянская власть, которая не остановится ни перед чем и поможет вам всеми имеющимися средствами выйти из этого тяжелого положения

Быстро организуйте комитеты крестьянской бедноты и организованно приступайте к учету и распределению продуктов первой необходимости

Довольно спать время слов прошло с вами не посчитаются если вы не возьмете власть в свои руки и не подчините всех мироедов под свое влияние

За вами огромная сила как в деревне так и в городе вас большинство Неужели вы не заставите замолчать тех, которые вас называют лентяями и разъединяют вас?

Все бедняки в одну общую семью! Общими усилиями мы победим и выйдем из безвыходного положения и спасемся от голода

Группа партии коммунистов — организаторов комитетов крестьянской бедноты Олонецкой губ »

Кончив читать Михаил отложил газету и полез за табаком Мужики молчали Переглядывались, ждали кто начнет первым

— То что ты прочел товарищ Розенштейн,— к столу подошел невысокий светловолосый человек — это всем нам ясно И что хлеб отбирать у богатых нам тоже понятно

— Ты извини, товарищ как тебя зовут? — спросил Михаил

— А зовут меня Гавриловым Михаилом фронтовик я Георгий имею, крестьянин-безземельник короче, батрак. Семья моя товарищ представитель сам-пятый а жрать нечего Гну спину на Тухкинена, на сволочь эту А он между прочим, член нашего Совета

— Так что же ты мне доказать пытаешься? — усмехнулся Михаил,— что товарищ член комитета бедноты?

— А я доказывать ничего не собираюсь не к чему мне доказывать Ты говоришь, власть надо брать хлеб отбирать а как?

— Риторика это, товарищ Гаврилов

— Ты меня непонятными словами не забивай, Розенштейн ты мне оружие дай а то у кулачья по пяти стволов на человека а у нас

— Оружие будет Теперь к столу садитесь Подумаем с чего начать

Погранкондуши. Кабинет начальника погранотряда

Утром на подоконнике начальник погранотряда Быков нашел письмо Видимо, ночью кто-то бросил его в открытую форточку На жёлтоватом конверте и гадкой не местной бумаги надпись «Поручику Быкову» Он распечатал конверт достал письмо

«М[illegible], Союз офицеров, патриоты России, предупреждаем Вас, бывший поручик Быков, что у Вас есть последняя возможность вернуть себе офицерское звание. Переходите границу и присоединяйтесь к истинным патриотам России. На размышление даем три дня.

Союз офицеров Северного края».

«Ишь ты.— подумал Быков.— всего три дня. Немного они дают мне подумать. А потом что?..»

Он еще раз перечитал письмо. Последние строчки недвусмысленно говорили о том, что через три дня ничего хорошего ему ждать не придется. Правда, это было уже четвертое письмо. Интересно, как оно попало сюда. Часового спрашивать бесполезно: если бы он что-нибудь заметил, то наверняка поднял тревогу.

«Надо показать письмо Розову и Егорову» Быков открыл ящик стола и спрятал конверт

Вернуть офицерское звание Он вспомнил жаркий июль пятнадцатого года летний лагерь Александровского военного училища Линейку, посыпанную желтым речным песком палатки, выстроившиеся повзводно гулкую медь училищного оркестра по вечерам Лагерный сбор только начинался До желанного производства оставалось три долгих месяца

Вечером юнкера спорили о положении на фронте говорили о преимуществах военного чинопроизводства. Там на позициях бывали случаи когда подпоручик за год становился полковником Все боялись только одного как бы не кончилась война Она представлялась им батальной картинкой из «Нивы» Подтянутые солдаты с винтовками наперевес бегут за молодым стройным поручиком к неприятельским позициям В воздухе разрывы шрапнели похожие на елочную вату, фонтаны взрывов аккуратны и строги

Война видилась им как огромный военный праздник золотое оружие Владимир с мечами эмалевый офицерский Георгий над карманом френча старый генерал утирающий слезу, серебряный крик альта трубящего атаку

Вечером в палатку первого взвода пришел юнкер Головин

— Господа, мне по секрету сообщили, что завтра внеочередное производство

— Как? Кто сказал? Это правда? — раздались взволнованные голоса юнкеров.

— Тихо, господа, тихо,— охладил их пыл Головин,— это секрет, ждите утра.

Легко сказать — ждите. Неужели утро и будет тем самым долгожданным и прекрасным днем? В эту ночь они спали плохо. Они ждали утра.

Плохо спал и «господин обер-офицер» Саша Быков. Золотые с двумя звездочками погоны открывали для него дорогу в удивительный и счастливый мир. С завтрашнего утра его жизнь должна покатиться по каким-то неведомым, но прекрасным рельсам. Отец его, Сергей Васильевич Быков, был военным чиновником, работал в арсенале в Москве. Умер он, когда Саша перешел в третий класс гимназии. После его смерти они переехали в маленькую дешевую квартирку в одном из доходных домов на Мясницкой. В комнате матери появилась огромная неуклюжая пишущая машинка «Ремингтон». Пенсии отца и заработков матери не хватало. Сашу определили на казенный счет в Московский кадетский корпус. Потом он поступил в Александровское военное училище.

Все эти годы в корпусе потом в училище он с нетерпением ждал производства, ждал, когда станет самостоятельным и начнет помогать матери.

Утром занятия отменили. Взволнованные юнкера толпились в курилке. Они обступили командира первой роты капитана Трофимова.

— Господа юнкера — улыбался капитан,— я ничего не знаю.

— Ну, Пал Палыч, господин капитан, ну скажите — слышались голоса юнкеров — миленький Пал Палыч.

— Господа, господа, я ничего не знаю, но хочу сказать по секрету, что вы счастливчики.

Ах, как понимать эти странные капитановы насмешки. Как понимать их?

А потом запела труба. Старший выпускной курс выстроился на плацу. И голос начальника училища в гулкой тишине

— Его императорское величество государь и самодержец всея Руси высочайше соизволил начертать следующие милостивые слова: Поздравляю досрочно моих

славных юнкеров с производством в первый обер-офицерский чин. Уверен, что на полях сражения они покроют себя неувядаемой славой. Верно будут служить престолу и отечеству.

На подлинном начертано — «Николай».

Так Саша стал офицером. Всего три дня погулял подпоручик Быков по нарядной Тверской. Играло солнце на золоте погон, блестел эфес шашки, шпоры тонко и празднично отсчитывали шаги... Потом был фронт, совсем не похожий на литографии из «Нивы». В окопах хаос потом и гнилью. Солдаты в оборвавшихся шинелях, нехватка снарядов, горькая пора отступлений и слово «измена», словно змея, ползущее вдоль окопов.

Он много понял там, подпоручик... Потом командир охотничьей команды[1] поручик Быков Февральскую революцию принял сердцем и жил одними думами и чувствами с солдатами. Но после октября семнадцатого года наступила растерянность. Не все понимал он в бурном круговороте событий. К тому же офицерское звание как бы само собой ставило его в положение врагов тех, кто строит новый мир. Поручик Быков, боевой офицер, чувствовал себя ненужным и лишним.

Дорогу ему помог найти бывший командир полка полковник Текстер, который после революции стал уездным военным руководителем в Олонце.

Так Быков стал начальником погранотряда.

Сначала кое-кто косо поглядывал на него: мол, бывший офицер, золотопогонник. Но после стычек на границе с белофиннами пограничники, в основном матросы с Балтики, поняли — свой. Нет, он не хотел возвращать себе старое звание. Он честно принял новое — товарищ командир.

В дверь постучали.

— Да! — крикнул Быков.

Вошел дежурный, кинул руку к козырьку фуражки, начальник требовал железной дисциплины.

— Товарищ командир, к вам посетитель.

— Кто такой?

— Какой-то штатский. Мандат проверил, из Питера он, с Путиловского.

---

[1] Команды разведчиков.

— Проси

Быков поднялся из-за стола и пошел навстречу посетителю

— Здравствуйте, я командир погранотряда фамилия моя Быков зовут Александр Сергеевич, чем могу

— Я Розенштейн Михаил Евстафьевич из Питера к вам Мне товарищ Егоров посоветовал обратиться — Михаил хотел сказать — к тебе но внимательно оглядев своего собеседника, затянутого в офицерский френч поглядел на его гладко выбритое лицо и ровный пробор и закончил — к вам

— Знаю — Быков указал на стул,— прошу садиться Меня предупредил товарищ Егоров Что вам нужно конкретно?

— Завтра товарищ Быков мы в Видлице начнем трясти кулаков, а для этого нам оружие нужно Мы отряд хотим создать Отряд коммунаров и вам на границе службу поможет нести

— А какова предполагаемая численность вашего отряда?

— *Я думаю что-нибудь около ста тридцати* человек

— Это же прекрасно У нас будет полностью обеспечен тыл Мы безусловно, поможем вам оружием Я думаю, дадим на первое время пятьдесят карабинов и пулемет, потом когда сформируете отряд, вооружим всех.

— Спасибо, товарищ Быков

Видлица. Дом Гаврилова

— Говорил я тебе щенок[1] — У Гаврилова старшего даже лысина кровью налилась — Не успел не успел А он успел Оружие от пограничников привез две подводы Если сегодня не уберешь всему конец Иди

Видлица. Волостной Совет

Митька Гавриков по-хозяйски заседал в Совете Еще бы секретарь власть местная Председатель и зам — эсеры в уезде на своих собраниях глотки рвут Пускай покричат Только пустое это дело ненужное

С большевиками не на митингах ругаться надо, а воевать. Ничего, придет время. Скоро придет. Совсем скоро.

Вечерами дома Митька доставал из шкафа зеленый мундир с серебряным шитьем на воротнике и серебряными с одной звездочкой погонами. Эх, какая жизнь была. После школы прапорщиков папаша сунул, кому следует, и определили Митьку в первый гвардейский корпус. Мог ли он подумать когда-нибудь, что попадет в гвардию? Война помогла. Из-за нехватки офицерского состава открыли дорогу в привилегированные полки всем. Для пули ведь нет разницы, чей ты сын, купца или потомственного дворянина.

Все было в короткой Митькиной офицерской жизни. Окопы под Ригой, где насмерть стоял гвардейский корпус, и недолгая счастливая жизнь в Петрограде. Митька дрался отчаянно, знал, что только храбростью сможет заработать очередную звездочку и остаться в гвардии.

В окопах все было проще. Офицеры жили вместе в землянке. Постоянная опасность порождала демократизм в отношениях.

Потом, когда их отвели в Петроград, Митька сразу же почувствовал разницу между кадровыми гвардейцами и офицерами военного времени. Митька остался как бы за невидимой чертой вежливого высокомерия и переплагнуть ее не было никаких сил.

Но ныне времена другие. Ишь какой приходил капитан Сомов тихий да вежливый. Конечно, он его Митькин, бывший командир, что и говорить, но на поклон к Гаврилову: мол, помоги копейкой нищему офицерству.

Ничего, его Митькино время наступит и снова будут Петроград и оперетка на островах, и девочки, у которых белье как пена. А пока Митька «проводил» решения центральной власти. Все циркуляры из уезда и губернии «под сукно» клал и отписывался: мол, принял к сведению, исполню. Расчет правильный. Большевикам сейчас не до Видлицы. Поважнее дела есть. А пока они соберутся, многое изменится. Вон что капитан Сомов говорил, все мол, готово, только сигнала ждут.

У Митьки нынче одна забота. Неспокойно стало в последнее время. Приехал из Питера бородатый больше-

вик Сидит в комбеде, письма куда-то пишет рыскает по деревне

Вчера за ужином отец прямо сказал Митьке

— Ты Дмитрий гляди не к добру этот Розенштейн суетится Видимо задумал что Так надо или мы его или он нас. Ты ребятам скажи, чтобы они его втихую завтра — *Гаврилов-старший выразительно щелкнул* пальцами

А что он Митька сам не знает что делать? Ему дважды повторять не надо Сегодня в Совет прихватил с собой наган в стол сунул Придет надежный человек в обед заберет «пушку» — и прощай гражданин красный комиссар Пошел мол на озеро, оскользнулся на камнях — и концы в воду А на озеро господин большевик очень ходить любит Сидит перед закатом смотрит, смотрит Думу свою коммунистическую думает А что в том озере проку или красоты? Тьфу... Вода одна! В озере другое главное — рыба Видать о ней Розенштейн и размышляет

Что-то не идет, человек, задерживается Вот сволочь Ага вроде шаги Точно идет Митька двумя руками поправил волосы, чтобы пробор прямой был как у субалтерна из третьей роты поручика барона Дитца френч одернул Все таки власть и гвардии офицер

Дверь распахнулась В комнату вошел Розенштейн По-хозяйски вошел спокойно и тяжело.

«Рук из карманов шинели не вынимает»,— подумал Митька и спросил

— Вы ко мне, товарищ уполномоченный?

— Печать денежные суммы у тебя где, гражданин Гаврилов?

— Это как же понимать?

— А как хочешь так и понимай. Клади печать, ключи клади на стол

Митька усмехнулся недобро одними глазами, потянул тихонько ящик стола

«Ну погоди комиссар...»

— Сиди спокойно — Розенштейн вынул руку из кармана шинели. В его огромном кулаке наган казался маленькой изящной игрушкой.

— Это... это произвол,— голос Митьки сорвался,— самоуправство

— Клади ключи, печать и вон отсюда.

«Сейчас полезу в стол, как бы за ключами!» — злорадно подумал Митька.

В комнату вошли двое из комитета бедноты. Сняли короткие драгунские карабины и стали за Митькиной спиной.

«Так вот что они с заставы привезли...»

— Подчиняюсь насилию, но я в Олонец, в Петрозаводск...

Розенштейн подошел к Митьке вплотную, взял за френч. Лацканы угрожающе затрещали.

— Ты потом жаловаться будешь, а сейчас вон! Проверим отчетность, если что утаил, революционным судом будем судить.

Розенштейн, как котенка, вытолкнул Митьку из комнаты.

— Ну вот и совершили бескровную революцию в волостном масштабе. Товарищ Германов, ты как коммунист, — Розенштейн вынул из стола ключи и печать, — принимай власть, а в Олонец мы сегодня же напишем. И еще наган этот себе возьми, сгодится.

Дом Гаврилова

— Ну что, гвардии прапорщик? Что? Верно о вас говорят — курица не птица, прапорщик не офицер.

— Папаша...

— Я тебе уже двадцать четыре года папаша. Ты в Питере с мамзелями шипучее вино пить умеешь, а как до дела — дерьмо, помет куриный.

— Папаша, я офицер...

— Ты? Да у меня любой приказчик больше офицер, чем ты. Собирай своих дармоедов, чтобы к вечеру кончить Розенштейна этого. Вот уж послал бог наследника. Теперь я сам за дело возьмусь.

Видлицкий завод.
Квартира Розенштейна

Вернулся он поздно. День был тяжелым, но радостным. Почему-то все время его не покидало ощущение праздничности. После обеда они собрали в Совете кре-

стьян и рабочих с завода, долго споривши решали что же надо сделать в первую очередь

Сформировали отряд самообороны и частично вооружили его Первыми винтовки получили бывшие фронтовики Но пока этого слишком мало Сегодня опять пришла телеграмма из Питера Завод ждет дрова А что ты для этого сделал большевик Розенштейн?

Михаил подкрутил лампу сделал свет ярче Нужно написать письмо на завод рассказать обо всем что происходит здесь Нет, он не будет оправдываться он просто расскажет о классовой борьбе на этом маленьком клочочке карельской земли

«О местной обстановке сообщаю следующее » — написал Михаил

Выстрела он не слышал Просто взлетнуло окно и разлился по горнице горящий керосин из разбитой лампы.

Розенштейн рванул из кармана наган и выскочил на крыльцо Никого

По двору кто-то бежал, тяжело бухая сапогами

— Стой! — Михаил поднял наган.

— Миша жив а я-то думал — послышался голос Некрасова

— Жив я, жив Саша. Видишь как. В открытую пошли сволочи Работа Гавриловых

— Факт Их работа.

— Собирай наших пойдем правопорядок именем революции наводить.

Коммунары собрались быстро Михаил взял с собой пять человек Когда подходили к воротам, над селом полыхнул к небу огонь

— Пожар — крикнул кто то

— Бегом! — скомандовал Розенштейн

Сапоги скользили по грязи приклады карабинов больно били по бокам Они бежали а навстречу им все больше и больше разгоралось зарево и ударил церковный колокол глухо и тревожно

— Розенштейн Товарищ Розенштейн

Кто то бежал от села.

В желтоватом колеблющемся свете Михаил различил Трофимова.

— Михаил Евстафьевич — задыхаясь крикнул он подбегая,— Гаврилолы дом подожгли а сами ушли.

И, словно в подтверждение его слов, вдалеке на границе затрещали и затихли выстрелы

Погранкондупши. Застава

— В чем дело — спросил комиссар Розов — почему стрельба?

Он стоял посреди комнаты босиком и голые ступни белели под широченными клешами

— Прорыв, товарищ комиссар,— устало сказал начальник заставы — прорыв в сторону границы.

— Ушли?

— Двое Одного подстрелили

— Кто он?

— Ребята говорят местный кровосос, кулак и купец Гаврилов

— Митрий, прапорщик бывший? Где тело? — Розов начал натягивать сапоги

— Нет товарищ комиссар папаша ихний Так сказать Гаврилов старший

— Ах этот тоже сволочь порядочная А за то, что тех двоих упустили я с вас спрошу по всей строгости

Село Видлица. Волостной Совет

Народу набилось много В помещении протиснуться негде Кто успел уселся на дощатые скамейки, а остальные в коридоре толпятся Почти все село пришло Интересно Власть народ собирает В воздухе повис горький махорочный дух Куртки, шинели, фуфайки полушубки

Отдельно у двери степенные мужики Эти одеты получше, побогаче Сидят тихо, курят папиросы Что им Советская власть? Они сами власть Деньги-то у них, и земля, и рыбный промысел А эти пусть себе митингуют от разговоров еще ни у кого денег не прибавилось

А собрание шумит Не терпится людям Ну где же власть-то? Наконец появились Розенштейн, шинель,

как на смотру застегнута, козырек фуражки глубоко на лоб, Ермаков из комбеда тот попроще в черной суконной куртке, Богданов — этот тоже свой председатель комбеда матрос Розов — пограничный комиссар мышь маузер по колену бьет Да еще незнакомый какой-то Шинель на нем солдатская наган на поясе на голове *фуражка с голубым околышем вроде из студентов*

— Ребята — сказал Богданов пробираясь к столу,— давайте табак палить не будем а то некурящим мочи нет

— А ты закури — посоветовал кто-то из зала — закури, и легше станет Враз поймешь — Но все же цигарки гасить начали

— Товарищи дорогие товарищи, беднейшие крестьяне и рабочие — начал Богданов — собрали мы вас чтобы спланировать нашу дальнейшую жизнь

Вот ведь как получается дорогие товарищи беднейшие крестьяне и рабочие Я понимаю так что нехорошо у нас получается Скоро год как в России дорогая наша Советская власть, а что изменилось в нашей волости?

— Ничего! — крикнул кто то

— Правильно,— сказал Богданов — ничего А почему? Да потому братцы что эсеры-предатели не хотели народу жизню дать Тормозили они решения большевистского комитета Мешали они нам Но теперь, товарищи беднейшие крестьяне и рабочие прогнали мы их и у нас в Видлице своя власть — наша пролетарская К нам из губернского центра приехал агитатор товарищ Аронов давайте его послушаем

Молодой человек в шинели встал привычным движением скомкал в кулаке студенческую фуражку

— Много лет — голос его был звонок и свеж — мечтали люди о создании самого совершенного общества Общества где нет бедных и богатых, общества где все *блага принадлежат* людям труда Веками боролись за это люди Но у них не было четкой программы не было достаточных сил

Аронов говорил о крестьянских восстаниях в средневековой Европе о русских бунтах Он вспоминал и Степана Разина и Пугачева взятие Бастилии и парижских коммунаров, русских народников

М. Е. Розенштейн

Видлицкая церковь, в которой обтрелялся отряд Розенштейна

— И вот наконец,— продолжал он — впервые в истории большевики создали государство рабочих и крестьян Государство в котором не будет бедных и богатых государство в котором материальные блага получает те, кто трудится

— Товарищ агитатор ты скажи мне на милость,— поднялся высокий крепкий мужик в рваном полушубке — *вот к примеру я никогда своей земли не имел* Не было ее у меня А семья не малая сам-шестой Так как же мне быть? Где я деньги возьму чтобы прикупить себе земличку? Объясни мне сделай милость, даст мне наша рабоче-крестьянская власть деньги?

— Понял вас, товарищ как ваше имя?

— Трефилов Степан

— А дальше?

— Отчество что ли?

— Отчество

— По отцу Прокопьевич

— Так вот Степан Прокопьевич для покупки земли новая власть вам денег не даст „

— Все мне ясно,— Трефилов махнул рукой и начал пробираться к выходу

— Денег не даст — продолжал Аронов,— она вам безвозмездно даст землю товарищ Трефилов — закончил Аронов

— А где же эту землю возьмет наша власть — спросил кто-то из зала,— вся что есть, уже полностью поделена

— Как поделена? — крикнул Аронов — У одних все а у других жалкие клочки Наша власть отбирает землю *у богатых и отдает ее крестьянам безземельникам.*

— Стоп — со скамейки у входа поднялся местный кулак Уно Тухкинен,— вот вы товарищ молодой человек красиво нам про старое время рассказали пояснили как народ за свою свободу боролся За это вам спасибо Но что касается земли здесь разобраться надо Я например богатый человек значит, по-вашему, кровосос и эксплуататор тьфу, слова-то этого не выговорю

— Эксплуататор — усмехнулся Аронов

— Именно так вы человек ученый вам видней Но землю свою я приобрел сам деньги за нее выплатил обрабатывал ее холил

— Ну положим, работал не ты, батраки работали — зашумел зал

Уно побледнел оскалился

— Да работали я им за это деньги платил Иначе бы многие из вас с голоду подохли

— Гляди, благодетель — крикнул кто-то — ты скажи лучше сколько платил?

— Мало было не работали бы Никого я на свое поле силой не гнал, сами просились Так что с моей землей теперь будет? Значит меня с нее вон? Голодранцам ее отдадут?

Зал замер ожидая ответа

— Не совсем так гражданин Советская власть издала законы в которых сказано что земля делится поровну между теми, кто на ней трудится Вот мы и поступаем согласно этим законам Поделим землю поровну между жителями села Получите и вы свой пай. Мы создадим артель, работайте в артели живите как все

— Ах как все! — Тужкинен даже задохнулся от злобы — А где они были когда я своим горбом под Читой деньги зарабатывал золото мыл в Сибири у казаков-староверов батрачил? Где они,— он показал рукой на зал,— где они были? Молчишь? Так знай землю свою не отдам Нет такого закона, чтобы работающего мужика обирать

Уно повернулся и растолкав людей у выхода вышел из зала за ним потянулись остальные богатеи — Никитин Дымов Куйкин.

— Товарищи — из-за стола президиума поднялся Розенштейн — вы видели, как ушли с нашего собрания классовые враги Им не по душе все то новое что несет народу партия большевиков Программа партии Ленина предельно проста — мир хлеб равноправие Другие партии — эсеры меньшевики — еще до Октябрьской революции оказались в лагере врагов рабочих и крестьян, в лагере контрреволюции Да что говорить о них если эсеровский меньшевистский Совет Мурманска во главе с Юрьевым вошел в сговор с английскими французскими и американскими интервентами.

Много этих предателей еще и у нас в губернии да и в нашей волости долго верховодили эсеры А эта пар-

тия предавшая революцию служит всевозможным хозяевам и хозяйчикам Положение наше товарищи как видите нелегкое С севера движутся на Карелию войска интервентов

Михаил остановился передохнуть оглядел зал Слушали внимательно

— Мы здесь в Видлице, на переднем рубеже РСФСР, на границе мы — Розенштейн расстегнул крючки воротника — Мы, партия большевиков призываем вас, товарищи дружно всех вместе работать и вместе нашу Советскую власть защищать

Зал грохнул аплодисментами

— Давай резолюцию — к столу президиума подошел крестьянин Андрей Ромоев,— вынесем товарищи нашу резолюцию

Через полчаса Розенштейн зачитал резолюцию

«Считать единственной защитницей беднейшего населения партию коммунистов (большевиков) которая с первого же дня своего существования гордо несет знамя освобождения трудящихся масс

Нас окружают внутренние и внешние враги Нашему Советскому правительству мешают англо франко-американские капиталисты Они ведут войну против нас рабочих и крестьян Но мы уверены что партия и Советская власть сумеют расправиться с ними и заставят этих шакалов убраться из пределов Советской России

Да здравствует великий вождь товарищ Ленин!

Да здравствует Коммунистическая партия »

Зал молчал Потом чей-то хрипловатый голос затянул «Вставай проклятьем заклейменный »

И многоголосый хор подхватил торжественно и грозно «Весь мир голодных и рабов»

В маленьком доме волостного Совета гремел «Интернационал»

На этом же собрании постановили организовать волостной коллектив РКП(б) Председателем его был избран Михаил Евстафьевич Розенштейн

Село Видлица.
7 ноября 1918 года

Розенштейн чинил гимнастерку Ну что ты будешь делать, продралась на локте И надо же в такой день Шил он аккуратно по-женски Швы ложились ровно и точно Научился еще в ссылке Стуча сапогами вошел Саша Некрасов

Михаил внимательно поглядел на рукав

— Вроде не очень заметно?

— Да вроде нет

— Вот и хорошо — Розенштейн натянул гимнастерку — А то председатель комячейки с рваным рукавом на такой праздник пойдет День-то у нас сегодня какой Пора

Они вышли на улицу Утренний мороз сковал землю и стук шагов гулко отдавался под сапогами Неяркое солнце серебрило снег на обочинах блестело на хрупком ледке затянувшем лужи Небо было чистым и туманно-синим

— Смотри Саша — сказал Розенштейн — даже погода сегодня как на заказ для нашего праздника

Они шли по улицам села мимо домов украшенных красными флагами, здороваясь с празднично одетыми людьми

У волостного Совета их ждали Богданов Германов Розов

— В самый раз пришел председатель поздравляю с праздником — комиссар Розов крепко пожал ему руку — сейчас Быков подойдет комитетчики соберутся, и начнем

— А вот и его благородие товарищ Быков — усмехнулся Германов — идет как на строевом смотру

Начальник погранотряда шел аккуратно обходя лужи Дымчатая офицерская шинель была туго перетянута наплечными ремнями портупеи, фуражка чуть набок

— Ты, Германов это брось — повернулся к нему Розов — если бы все офицеры такими были, давно уже бы гражданская война кончилась. Еще раз услышу насчет благородия.

— Ладно ты порох! Пошутить нельзя

Быков подошел бросил ладонь к козырьку

— Здравствуйте товарищи С праздником У меня все готово комиссар

— Пошли ребята,— улыбнулся Розов — пошли парад принимать

На площади перед штабом погранучастка, который помещался в нижнем этаже дома купца Никитина, выстроились пограничники рядом с ними местный отряд коммунаров

— Ах молодец Быков,— шепнул Розов Розенштейну — гляди Евстафьевич гляди

Розенштейн оглядел строй Действительно молодец Быков На всех бойцах новые шинели, пуговицы начищены сапоги блестят Теперь ясно что два дня назад привез начальник штаба из Олонца Нелегко ему было достать новое обмундирование Михаил по собственному опыту знал что значит выбить из интендантов хотя бы новые обмотки

Стоит на площади отряд Блестят штыки эфесы командирских шашек, солнечно сияют начищенные медные пуговицы и ободья барабанов

— Равняйсь! Смир-но! — Для встречи спра-во! Слушай! На кра-ул!

Ударил барабан, в два приема звякнули винтовки Ротный с шашкой «подвысь» печатает строевой шаг навстречу представителям власти В трех шагах он замер, звякнув шпорами

— Товарищ начальник! Отряд красных пограничников и местный добровольческий отряд Красной Армии построены для торжественного марша по случаю первой годовщины революционного праздника! Командир роты краском Орлов!

Орлов сделал шаг вправо, опустил шашку

— Здравствуйте товарищи бойцы!

— Здрасс!

— Поздравляю вас с первой годовщиной Октябрьской революции!

По рядам прокатилось протяжное «ура» Его подхватили жители села столпившиеся на площади

Перед строем комиссар Розов

— Бойцы командиры добровольцы и гражданское население

Приветствую вас в этот торжественный день, в первый наш пролетарский праздник. Тяжелое положение у нашей республики, но мы, вооруженный народ, будем стойко защищать рубежи РСФСР!

И снова прокатилось над площадью «ура».

— К торжественному маршу,— скомандовал Быков,— первый взвод, прямо! Остальные напра-во! Шагом-арш!

Звонко ударили барабаны. Печатая шаг, шли пограничники и сельчане-добровольцы.

После парада начался митинг. Первым выступил Розенштейн. Он говорил о том, как по-новому будут жить в новой Видлице.

— А теперь, товарищи, я предлагаю отправить телеграмму нашему любимому вождю Владимиру Ильичу Ленину. Председатель комитета достал из кармана бумагу.

— «Москва товарищу Ленину

Видлицкий коллектив коммунистов-большевиков села Видлицы Олонецкой губернии красноармейцы, рабочие и крестьяне приветствуют народного комиссара товарища Ленина с праздником годовщины Октябрьской революции

Да здравствует власть Советов!

Да здравствует Советская республика!

Да здравствует Красная Армия!

Ура товарищу Ленину!»

Согласны товарищи?

И одной грудью крикнула площадь:

— Соглас-ны!!

Из информации
Видлицкого коллектива коммунистов
о праздновании
годовщины Октябрьской революции

« Вечером комитетом местного коллектива коммунистов устроено было празднование — народный вечер — в большом казенном доме лесного ведомства на средства испрошенные в уездном исполкоме Устроители народного вечера — члены комитета и чле-

ки партии, учащие местной школы, рабочие и служащие завода и почтового ведомства — под руководством председателя т. Розенштейна принимали участие как в исполнении номеров программы вечера, также и личным трудом в украшении самого здания, отведенного для празднества. Уже с начала вечера все комнаты заполнились публикой. После приветственной речи председателя Розенштейна на сцене началось исполнение программы: поставлены были живые картины, чтение-декламация стихотворений, подходящих по содержанию ко времени и празднеству, и пение революционных песен. В антрактах и после окончания игры на сцене публике был предложен чай с закусками.

Комитетом местного коллектива коммунистов были отпущены средства на устройство празднества для учащихся и всех детей местного населения.

Видлицкий коллектив коммунистов»

Видлица.
Дом конторы лесного ведомства

Теперь оставалось самое главное. Люди были готовы, они ждали этого решения комитета. Пора было организовывать лесную трудовую артель. Пора было начинать главное — заготовку дров для Питера.

Об этом думал Розенштейн, идя сегодня на первое организационное собрание в контору бывшего лесного ведомства.

Когда Михаил вошел, зал был уже полон.

«16 ноября 1918 г.
Из протокола собрания...

Председатель местного исполкома т. Германов, открывая собрание, просит произвести выборы президиума настоящего собрания, причем избраны председателем И. Г. Ермаков, товарищем председателя В. В. Пикхайнен и секретарем В. С. Михиев.

Президиумом собрания был прочитан устав организуемых лесных артелей и в общих чертах разъяснено значение артелей и необходимость организации их. Постановили принять к сведению.

Прибывший на настоящее собрание т. Розенштейн в своей краткой, но содержательной по смыслу речи обрисовал общую картину разрушения всего старого хозяйственного аппарата страны и устройство такового на новых, свободных началах, где вся промышленность государства должна сосредоточиться в руках самих рабочих и крестьян, и указал на громадное значение организуемой трудовой артели для крестьян и рабочих.

По всестороннем обсуждении настоящего вопроса мы единогласно постановили организовать трудовую артель с принятием нормального устава лесных артелей и в честь великого вождя пролетариата назвать ее «Артель имени товарища Ленина». Товарища же Розенштейна как более передового работника, человека, который своим опытом в будущем может принести немалую пользу артели мы единогласно избираем почетным членом вновь организуемой артели.

Членские паевые взносы определить [в] 20 руб. для каждого вступившего в артель члена.

Подлинное подписали
председатель собрания *И. Ермаков*
Секретарь *Мишкин*
граждане *В. Ермаков, П. Кононов, И. Ананьев*»

Всего в артель имени Ленина вступило 126 человек.

Видлица. Волостной Совет

— Ну что товарищи,— спросил Розенштейн,— что делать-то будем?

Только что была зачитана телеграмма из Питера. Город ждал хлеб.

— Скоро морозы, станут заводы, в холодных домах будут умирать люди от голода. Так как, власть?

— Очень просто — встал председатель комбеда — завтра начнем изымать излишки хлеба у кулаков. Пиши протокол товарищ Германов.

...Утром следующего дня поползли по селу слушки: мол, хотят у кулаков хлеб отбирать. Посудачили об этом, да и перестали. Не верилось. Все же власть не позволит самоуправства. Только в обед увидели бабы, собравшиеся у колодца, как из комитета бедноты вышли семь человек. Впереди Розенштейн в расстегнутой шинели. Шел твердо, как хозяин. У дома Тухкинена остановились.

Михаил постучал в ворота. За забором завыл, забился на цепи кобель. Розенштейн постучал сильнее.

— Что, подождать не можете? — Ворота распахнулись, сам Уно Тухкинен заслонил широкой спиной ворота. За ней — крепкий, просторный дом, хлебный амбар, скотник.

— Гражданин Тухкинен, Совет постановил, чтобы ты сдал излишки хлеба.

— Это зачем же?

— В помощь питерскому пролетариату.

— Пролетариату говоришь гражданин уполномоченный. Ну если ему...

Уно запустил руку в карман, вынул горсть семян.

— На подавись — швырнул он их Розенштейну в лицо.

Швырнул и сразу же навалился на ворота, пытаясь снова закрыть их. Но не успел. Ворота распахнулись, и Уно влетел во двор.

«Скорее винчестер взять[1]»

Он прыгнул на крыльцо, но сзади на плечах повисли двое. Уно бил кулаками, крутился, стараясь сбросить с себя чужую тяжесть.

В его дворе, на его подводу грузили его хлеб. Никогда в жизни он не был так бессилен, как сейчас. Его охватило вдруг полное безразличие ко всему происходящему. Ему казалось, что все это он видит в синематографе и все это не имеет никакого отношения к нему, Уно Тухкинену.

Потом телега уехала, ушли и комитетчики. Только кобель бился на цепи, лаял придушенно и хрипло.

Госграница РСФСР

«Ну погоди, сволочь! Ты у меня еще попрыгаешь Вспомнишь кто такой Тухкинен Погоди Розенштейн Я подожду Совсем немного подожду а потом вернусь Может через месяц а может и того раньше Только теперь приду не один Приду так как ты ко мне приходил»

Тухкинен закрыл глаза и явственно представил Розенштейна в рваной гимнастерке избитого у стенки амбара Видение было настолько желанным что Уно показалось вот уже стоит Розенштейн у стены Он даже палец положил на спуск обреза Ничего придет его Уно время Поползает на коленях председатель Виддицкой комячейки Только шалишь! Зря портки протирать будешь Пощады не получишь Всех под корень

Тухкинен даже не заметил как под ним подтаял снег Овчинная куртка и ватные брюки намокли тело неприятно холодило Он решил перевернуться на живот осторожно опасаясь как бы предательски не хрустнула ветка И тут он увидел пограничника шагах в сорока Потрепанная шинель на нем была аккуратно пригнана и туго затянута ремнем и патронташем

На всякий случай Уно осторожно поднял обрез, поймал красноармейца на мушку Обрез был хорош Сделал он его из американского винчестера Двенадцать толстых патронов с тупыми пулями плотно лежали в магазине

Когда-то очень давно этот винчестер Тухкинен добыл у «ходи» — китайского купца Было время! Промышлял он тогда золотишком и контрабандой под Кяхтой на монгольской границе Часто винчестер выручал его в те времена И теперь вот опять сгодился После того как отобрали коммунары у него хлеб да и у других виддицких крепких хозяев Уно ночью обрезал ствол у винчестера, приклад укоротил Жаль конечно было — такого ружья почитай во всей Олонецкой губернии ни у кого не сыщешь во зато обрез прятать удобнее

Красноармеец шел по тропинке шел ховлином не боясь и не прячась

Палец свело на спусковом крючке. Всю жизнь испортили! Настоящий хозяин, как волк, в кустах хоронится. Эх, сколько бы отдал, чтобы всадить в этого парня тяжелую тупоголовую пулю. Но нельзя. Прибегут на выстрел — конец. Он даже зубами заскрипел от ненависти. Заскрипел и испугался — не дай бог, услышат. Но ничего, он еще подождет.

Из своего убежища Тухкинен видел Мансилу. Первое пограничное село на финской стороне. Там его ждали. Свояк там крепким хозяином был, да еще один человек ему рад будет, лейтенант Марукайсис из финской пограничной стражи. Только тот лейтенант границей не очень интересовался. У него другие дела были, в основном на советской стороне.

Скорей бы темнота, только.

А солнце как назло не хотело опускаться. Оно повисло над верхушками елей. Большое яркое, по-северному неласковое. Когда же наконец уберется оно за лес? Ничего, он к холоду привычный, будет ждать. Он в своей жизни много ждал, но всегда добивался своего. И стал крепким хозяином.

Да, старался, добывал, наживал, рисковал жизнью. Не одно темное дело на совести у него. Для чего? Чтобы этим голодранцам отдать все. Ничего, он обязательно вернется. Все же деньги и золото он с собой унес. А с ними он везде хозяин.

Когда он промок окончательно и его начало колотить от холода, как замерзшую собаку, солнце ушло за лес. Тухкинен полежал еще минут тридцать, дожидаясь, когда совсем стемнеет. Это были самые длинные тридцать минут в его жизни. Всего в ста шагах граница, в километре Мансила. Но застава недалеко и черт его знает, когда им взбредет в голову выйти на границу.

Наконец он встал, огляделся. Тихо. Тогда Тухкинен упругим неслышным шагом старого контрабандиста двинулся к границе.

Остановился он у самой Мансилы. Отдышался, посмотрел назад. Черно, даже огня не видно. Выпустить,

что ли, в их сторону пяток пуль? Но передумал, погрозил кулаком и пошел навстречу собачьему лаю и огонькам деревни

Декабрь. Видлица. Волостной Совет

I

— Ну давайте подведем итоги — сказал председатель Совета Германов — Ты, товарищ Ермаков найди *директиву из центра о чрезвычайном десятимиллиардном* налоге на буржуазию Нашел? Глянь сколько на нашу волость ложится? Сколько? Сто шестьдесят пять тысяч.

— Деньги немалые — Розенштейн встал подошел к окну — но ведь в доход государству мы переводим ценности реквизированные у Тухкинена

— Кстати о нем — вмешался в разговор уполномоченный ЧК Егоров — Уно таки перешел границу Трех матерых врагов упустили мы, товарищи Гаврилова Митьку с дружком и Тухкинена Наша это вина Тут я кое с кем говорил они мне точно сказали Уно не простит У него повадка волчья бандитская От него всякой пакости ждать можно

— Это ты точно — прогудел из угла председатель комбеда — я его хорошо знаю, батрачил на него

— Вопрос с Тухкиненом — дело серьезное но о нем мы позже поговорим сейчас дело о госналоге и ремонте мельницы Нет у нас денег на ее ремонт Хлеб у кулачья взяли у одного Гаппиева в сарае в яме пятьдесят мешков а молоть где?

— Я товарищи об этом написал в правительственное правление Путиловского завода — сказал негромко Розенштейн — питерцы нас поддержали Прислали нам тысячу рублей на ремонт

— Вот это здорово! — Германов аж привстал со стула — Чего же ты молчал Михаил?

— А зачем раньше времени? Прислали нам деньги, теперь об этом и говорить можно Но я о другом сказать хочу Помните заседали комячейка, и вынесли мы следующее постановление

«Ввиду того, что существующая в с Видлицы народная библиотека в настоящее время не функционирует, войти в сношение с волостным Советом и уездным от

делом народного образования об открытии действий библиотеки и командировании библиотекаря Поручить учащим местной школы членам партии учителю В И Королеву и учительницам Р Ф Красновской П И Лазаревой и В М Охотиной выяснить положение дела в народной библиотеке и познакомиться с инвентарем книг библиотеки.

Председатель Розенштейн
Секретарь Королев».

Вот так, товарищи члены волисполкома,— закончил чтение Розенштейн

— Погоди, Михаил Евстафьевич, погоди — сказал Ермаков — Мы здесь о деле важном о госналоге говорим а ты о книгах. Да разве сейчас до чтения?

— Ты рассуждаешь не как большевик — голос Розенштейна стал твердым — Не достойно рассуждаешь Ермаков Книги — это знания А большевики должны читать все время чтобы запас культуры пополнить. Когда же нам за книгу браться, если не сейчас? Я в ссылке учился и опять учиться буду Больше того мы на селе учебу для взрослых организуем, а молодых, таких, как Трофимов в Питер пошлем, в Коммунверситет

— Прав Розенштейн. Что говорить библиотека — дело нужное И решение о ней волостной Совет примет сегодня же но что все-таки с госналогом делать?

Германов потер рукой красные от бессонницы глаза

— Что делать будем?

— Сколько на нас ложится? — еще раз поинтересовался Егоров

— Немало Сто шестьдесят пять тысяч.

— Вчера в Видлицу прибыли из Петрозаводска местные лесопромышленники, братья Гайдуковы — Егоров усмехнулся — Видимо узнали об артели Сейчас люстрить начнут вот с них тысяч сто и получим остальное с кулачья

— Дело — поддержал Ермаков,— Гайдуковы — известные кровососы А кто к ним пойдет, ты?

— Нет брат я уполномоченный ЧК. К ним кого-то из коммунаров надо послать и милиционера товарища Ромоева Ивана Он здесь сейчас я его позову

Егоров вышел и вернулся с невысоким человеком, одетым в штатское пальто, перетянутое ремнем с кобурой

— Вот товарищ Розенштейн он и пойдет с тобой к Гайдуковым Парень боевой и исполнительный а главное — делу нашему предан

Видлица. Дом Гайдуковых

— Богато живут — сказал Ромоев,— очень уж богато

— Что заробел? — усмехнулся Михаил

— Я не к тому Раньше такие домы только издали видел А сейчас

— А сейчас ты власть Вернее представитель ее Раньше урядник к Гайдуковым зайти боялся а теперь ты иди смело

— А чего же ты ноги товарищ Розенштейн вытираешь? — засмеялся Ромоев

— Смелость не значит хамство Мы их не арестовывать идем а налогом облагать

На дверях был прибит звонок с ковзной надписью «Прошу повернуть»

— Прочитал — спросил Михаил — вот и верти

Звонок глухо трещал за дверью В доме было тихо, словно вымерло

— Крути сильнее — сказал Михаил — что они все спят там что ли

— Нет не спят Из окошка на втором этаже разглядывают

— Ишь глазастый, все замечаешь

— Работа такая

Наконец где-то в глубине дома послышались шаги. Кто то за дверью долго возился с запорами Наконец открылась совсем узкая щель придерживаемая цепочкой

— Кто такие? Кого надо? — прохрипел голос из темноты прихожей

— Откройте — сказал Розенштейн,— мы к Гайдуковым из волисполкома

— Сейчас.

Человек захлопнул дверь, звякнул цепочкой и впустил Розенштейна и Ромоева в прихожую

— Погодите хозяину доложу

— А нам годить некогда,— неожиданно зло сказал Ромоев,— я работник милиции и без докладов к таким хозяевам ходить могу

Теперь только в полумраке прихожей Розенштейн как следует разглядел человека открывшего дверь

«Все-таки профессия откладывает на людей отпечаток. Посмотришь на этого сразу видно — приказчик. По всему видно начиная от пробора и кончая штиблетами»

— Значит, вы теперь вместо станового? — спросил приказчик.

— Нет я вместо полицмейстера,— ответил Ромоев и глядя в недоверчивые глаза собеседника скомандовал — Веди

Они прошли через две комнаты, мимо мебели в чехлах, мимо массивных медных ламп стоящих прямо на полу, мимо огромного серого от пыли рояля

— Давно не были с,— извиняюще пояснил Ромоеву приказчик видимо сравнение с полицмейстером здорово повысило милиционера в его глазах — Не успели-с убрать-с Прислуга с разбежалась. Время-а такое Прости господи

Наконец он распахнул одну из дверей и доложил

— К вам-с новый полицмейстер-с Нил Степанович

Из-за огромного черного дерева письменного стола навстречу пришедшим поднялся высокий мужчина в серой пиджачной паре Был он брит ниточка пробора разделяла светлые поредевшие волосы Хозяин изо всех сил старался быть похожим на крупных петербургских предпринимателей Пожалуй это ему удавалось Только руки большие, со сплющенными пальцами, выдавали в нем бывшего мужика.

— Прошу граждане — Гайдуков наклонил набриолиненный пробор — прошу Семен прими одежду у гостей.

— Нам некогда гражданин Гайдуков — резко чтобы сразу провести черту между этим куцом и ими представителями Советской власти, сказал Розенштейн — мы пришли чтобы ознакомить вас с решением Совета

Михаил положил на стол выписку из протокола Гайдуков надел очки долго даже слишком, внимательно прочитал бумагу

— Садитесь — сказал он — Может быть сигару желаете?

— Нет, благодарю

— А вы гражданин полицмейстер?

— Некурящий

— Тогда закусить

— Давайте ближе к делу — Михаил сел и сразу же утонул в глубоком кресле у стола

— Как угодно-с. Так вы предлагаете нам с братом уплатить сто шесть тысяч рублей

— Не предлагаем, а приказываем согласно решению Советского правительства

— Понятно-с Кто же подписал это решение?

— Председатель Совета Народных Комиссаров Ульянов (Ленин)

— А не указали наш глава правительства где братья Гайдуковы эти деньги возьмут-с?

— Вот что,— Розенштейн едва сдержался — на размышление вам три часа Ясно? Через три часа либо деньги либо конфискация всего имущества

— А может поладим?

— Здесь вам не лесная биржа, да и мы не купцы,— усмехнулся Михаил

Гайдуков поглядел на этого человека Увидел его запавшие глаза, в глубине которых горел недобрый холодный огонек и понял что с ним торговаться излишне

— Я должен посоветоваться с братом — сказал он,

— Пожалуйста — Михаил встал — Срок вам известен

Через три часа братья Гайдуковы внесли деньги А утром следующего дня забрав из дома самое ценное, укатили в неизвестном направлении

1919 год. Январь. Видлицкий завод. Квартира Розенштейна

Иногда ему становилось грустно. Ощущение это приходило внезапно и стремительно, без всякой видимой причины. Когда-то в тюрьме, он читал роман, за*бытый на нарах одним из ушедших по этапу эсеров*. Роман был банальным и восторженным, таким же как человек, читавший его до него,— экзальтированный мальчишка реалист, поверивший в красоту жертвенности и мрачную романтику савинковского террора.

Михаил давно забыл автора романа, давно забыл о чем он был собственно написан, в память врезались сентенции одного из персонажей, сельского учителя, который говорил приблизительно следующее: грустит тот, кто не может заполнить день трудом. Говорил он это молодой красивой и порочной женщине, склоняя ее на путь «служения народу».

Но его, Розенштейна, день был расписан как график поездов на Финляндском вокзале. А может быть, и плотнее. Он начинался в шесть утра при полной темноте и кончался поздно ночью. Иногда Михаил приходил домой и долго сидел у стола в мокрых сапогах и тяжелой шинели. Не было сил раздеться. Уезжая из Петрограда, он думал: что организует заготовку дров, отнимет хлеб у кулачья и вернется обратно. А там уже видно будет, куда пошлют. Но видлицкие дела захватили его всего.

Иногда Розенштейну казалось, что всю свою жизнь он прожил именно здесь и потому ему так дорога каждая мелочь в этом карельском селе.

Он даже не мог подумать никогда раньше, что бывает столько работы. В октябре они на холодном ветру, в дождь и слякоть устанавливали телеграфную связь между Видлицей и Тулмозером. Потом нужно было собирать теплую одежду для Красной Армии. Уже месяц приходилось три раза в неделю преподавать на краткосрочных курсах агитаторов. Практически всю программу вел он, Аронов и большевик-учитель Соловьев.

Потом вспыхнуло восстание в соседней Ведлозер-

ской волости. Кулачье сформировало там боевой отряд и захватило волостной центр. Погибли настоящие коммунисты, хорошие товарищи. Правда, продержались эти сволочи недолго: отряд коммунаров и чекистов за два часа подавили восстание. Но сигнал был серьезным. Видимо, тамошние кулаки просто поторопились. Одни они бы никогда не решились на это. Значит, ждали поддержки из-за кордона.

Семнадцатого декабря коммунисты Видлицы собрались на экстренное собрание и обсудили вопрос о ведлозерском восстании. Вот она, резолюция, по сей день лежит в ящике стола:

«Провести широкую агитацию среди населения волости, разоблачая преступную контрреволюционную деятельность ведлозерских кулаков, поднявших восстание против Советской власти.

Установить круглосуточное дежурство членов партии *при волостном исполнительном комитете Совета*.

Установить связь волостного комитета РКП(б) со всеми населенными пунктами волости».

Эту резолюцию в тот же день он зачитал на первом волостном съезде Советов и комитетов бедноты. Делегаты со всех концов волости говорили много и откровенно. И пусть речи их иногда были не слишком грамотны и даже корявы, главным было то, что звучала в них искренность, горячее желание во всем оказать помощь Советской власти.

Съезд принял постановление во исполнение решения VI Всероссийского Чрезвычайного съезда Советов о слиянии сельских Советов с комитетами деревенской бедноты.

Делегаты съезда и агитаторы Видлицкой партийной организации, разъехавшись по деревням, создали новые партийные ячейки. С их помощью в Верхнегорском, Нижнегорском, Кукшегорском и Погранкондушском крестьянских обществах начали работу коллективы РКП(б).

Это была большая победа. Именно о ней думал Михаил, когда еще в сентябре писал свое первое письмо в Петрозаводский комитет партии.

А совсем недавно всем селом проводили они молодых ребят — Лобского, Трофимова и Тюлина — в Петро-

град на политические курсы. Подучатся, вернутся обратно. Здесь очень нужны политически грамотные люди. Сейчас пропагандистская работа — очень важное дело. Нельзя закрывать глаза на то, что «Карельское просветительное общество» и «Комитет освобождения беломорских карел» постоянно ведут агитацию против Советской власти. И, чего греха таить, кресть*не-середня*ки, некоторые ремесленники прислушиваются к голосам *белогвардейских агитаторов*.

На улице ветер стучал в оконное стекло. Бил в стену дома снежными зарядами. Начинались морозы. Михаил подошел к окну и долго всматривался в черноту ночи. Она была бесконечна и таинственна. Но самое *ужасное* заключалось в том, что именно в эту ночь наверняка кто-то переходит границу. Кто-то греет за пазухой холодный металл маузера, чтобы потом брызнул ненавистью и огнем воронений ствол.

Но все же несмотря ни на что, Михаил был по-настоящему счастлив. Теперь, когда ему почти сорок *лет, он занимался делом*, ради которого боролся всю жизнь.

Петербург. Май 1893 года

День был солнечен и сух, с Обводного канала нестерпимо пахло плесенью.

Мужчина и мальчик лет четырнадцати перешли по пешеходному мосту через канал и направились к Дровяному переулку. В конце его в доме казарменного типа фабрика заготовления государственных бумаг.

Они вошли в контору. За столом сидел полный лысый человек — смотритель фабрики Смирнов.

— Чего вам? — спросил он, не поднимая глаз от толстой конторской книги.

Мужчина поклонился и протянул письмо. Смирнов внимательно прочитал его и, повернувшись к писарю, сказал:

— Надо уважить. Василь Иванович хлопочет. Прими мальчонку в кредитно-сортировочное отделение. Заполни на него листок.

«Михаил Евстафьев Розенштейн.

Мещанин города Луги Петербургской губернии.

Родился 21 ноября 1879 года в городе Ораниенбауме
Сын солдата.
Окончил курс начального городского училища
Принят в кредитно-сортировочное отделение мальчиком»

Петербург.
Апрель 1895 года. Контора фабрики

Жилет еле сходился на животе у Смирнова При *каждом шаге звенели бесчисленные брелоки на толстой*, дутого золота цепочке от часов

— Значит, так ты своего благодетеля Василия Ивановича благодаришь?! Дерзкий, с мастером ссоришься, народ подбивал приказчика избить

Смирнов сделал паузу Лысина его налилась кровью Михаил глядел на упругий живот управляющего При каждом слове брелоки подпрыгивали, словно *живые*

«Они на мух похожи, на больших жирных мух»,— подумал он и усмехнулся

— Смеешься! Да и тебя в участок . К приставу . В жандармский корпус . В кандалы Вон с моей фабрики, щенок.

— Не ори,— спокойно сказал Михаил,— ишь как разорался, аж черепушка покраснела

Он повернулся и, громко хлопнув дверью, вышел из конторы

Петербург. 1903 год. Октябрь.
Контора фабрики

Новый смотритель был элегантен и сед Серая в полоску визитка, черные брюки, галстук в горошек. Он собирался уходить из конторы Вертя в руке красивую трость с серебряной наядой, смотритель заглянул через плечо писаря, читавшего документы Розенштейна.

— Оформляйте его Что? — повернулся он ко второму писарю, подбежавшему и что-то *жарко шептавшему* ему на ухо — Кто он?

Управляющий поперхнулся [illegible]

— Ну как же так, голубчик? Зачем же вы оскорбили покойного господина Смирнова. Впрочем, о покойниках плохо не говорят, но он был порядочная свинья. *Оформляйте его. Оформляйте. А я поехал.*

Восемь лет назад из этой же конторы уходил озлобленный хамством и несправедливостью подросток, возмущение которого вылилось в единственную доступную для него форму протеста — грубость и драку. Сейчас перед конторщиками стоял вполне зрелый, двадцатичетырехлетний молодой рабочий. За эти восемь лет он работал в мелких мастерских и артелях, где эксплуатация и унижение были еще сильнее. Именно там он приобщился к революционной борьбе.

Восемь лет назад он ушел отсюда озлобленным мальчишкой, а вернулся пролетарием с опытом классовой борьбы.

Через месяц после возвращения на фабрику заготовления государственных бумаг Михаил объединяет вокруг себя передовых рабочих и организует социал-демократический кружок.

Петербург. 1906 год. Октябрь. Департамент полиции

У действительного статского советника Рочковского болела голова. Поэтому доклад начальника канцелярии он слушал в полуха. От ротмистра нестерпимо пахло душистой помадой, мундир на нем был слишком голубой, серебряные эполеты не по уставу велики.

«Господи,— подумал Рочковский,— кто протежирует в департамент этих хлыщей? Почему они не идут в гвардию? Наше дело такое деликатное. Оно требует душевности и человеческого расположения. Ну, как может рабочий расположиться к эдакому конфетному красавцу. И чего он бубнит, болван, прости господи».

— Таким образом, ваше превосходительство,— продолжал ротмистр,— наш агент Ушаков уличен в связи с нами и присвоении двух тысяч рублей.

Наконец голос управляющего канцелярией прорвался сквозь тупую головную боль.

— Погодите-ка, погодите-ка, ротмистр — сказал Рочковский — это какой Ушаков?

— Тот самый, ваше превосходительство, которому Охранное отделение поручило организацию рабочего клуба на Рижском проспекте[1]

— Так что же вы молчите?

— Я докладываю

— Что печать?

— Пока молчит

— Срочно дайте знать Цензурному комитету Чтоб ни единой строчки об этом, ясно, ротмистр?

— Так точно,— управляющий канцелярией сдвинул каблуки звякнул шпорами

— Известен инициатор этого дела?

— Так точно ваше превосходительство руководитель социал-демократического кружка рабочий с той же фабрики Михаил Евстафьев Розенштейн

— Еврей?

— Никак нет обрусевший хохол

— Выслать его — Рочковский задумался,— выслать на территорию его далеких предков

— Уж все готово ваше превосходительство, завтра его отправят на земли Великого княжества Финляндского, в деревню Колкимяки

Петербург. 1913 год. Ноябрь. Ночь. Квартира Розенштейна

«Одни рабочие хотят продлить забастовку не долее двух дней другие решили бастовать и долее

Особенно агитируют на эту забастовку рабочие означенного (Путиловского — Э Х) завода известные отделению по принадлежности своей к местным социал-демократическим организациям Антон Адамов Митрович Василий Петров Иванов, Михаил Евстафьев Розенштейн Александр Денисов Мителев, некий Андрей Кононов

---

[1] Ныне проспект Огородникова

Митревич, Иванов и Розенштейн состоят уполномоченными больничной кассы Путиловского завода».

(Из доклада Петербургского охранного отделения министру внутренних дел от 6 октября 1913 года.)

Он проснулся и услышал шаги. Тяжелые казенные сапоги с перезвоном шпор грохотали на лестнице. И этот перезвон, отсчитывающий шаги грубый и громкий, говорил о том, что на его этаж поднимается несколько городовых.

Михаил встал и начал быстро одеваться. Ему не хотелось, чтобы полиция застала его раздетым. Когда стоишь в исподнем перед одетыми, невольно чувствуешь их превосходство.

В прихожей зазвонил звонок. В дверь застучали громко, по-хозяйски.

— Иди,— сказал он Анне,— открывай. Не бойся — ответил он на ее молчаливый вопрос,— у меня дома ничего нет.

Михаил, сидя в комнате, услышал, как прихожая наполнилась топотом. Дверь распахнулась, и в комнату вошел молодой розовощекий жандармский поручик.

— Господин Розенштейн? — спросил он, приложив руку к козырьку голубоватой фуражки.

Михаил молча встал.

— Попрошу паспорт, вот разрешение на произведение в вашем доме обыска.— Офицер сделал паузу — Посему прошу добровольно выдать оружие, взрывчатые вещества, нелегальную литературу и средства для ее печати.

— Вы меня с кем-то путаете, господин офицер, у меня ничего подобного нет.

— Дай бог, дай бог,— усмехнулся поручик — и повернувшись к двери скомандовал — Скобелин, начинайте.

В комнату вошли двое полицейских и жандармский унтер-офицер. Поручик уселся на стул, расстегнул шинель, достал из кармана золотой портсигар.

— Не желаете? — протянул он папиросы Розенштейну.

— С удовольствием, если это не противопоказано.

— Помилуйте, сделайте одолжение.

Они закурили, ароматный дымок пополз по комнате. Вот так просто. Пришел в гости добрый знакомый, милый офицер. Вон как он сидит картинно. В одной руке папироса, другая поигрывает серебряным темляком сабли, нога на ногу. Свет играет на лаковых голенищах. Поручик чуть подергивает ногой в такт одному ему известному веселому мотивчику, и шпора, серебряная шпора, малиново подпевает — дзинь-дзинь-дзинь.

Он не глядит на своих людей. А зачем? Скобелин дело знает. Трещит кровать, все ящики комода на пол вывернули, летят из шкафа женские вещи. Сейчас стены простукают, половицы подымут.

— Напрасно ищете, господин офицер,— улыбается Михаил — ничего нет.

— Да я вас отлично понимаю и уверен, что у вас ничего нет,— открыто обаятельно в ответ улыбается жандарм,— служба, батенька, порядок такой к сожалению.

А Скобелин маленький с лицом словно у старого лесного гриба унтер вовсю старается. Вот он шинель уже скинул, шкаф отодвигает. В коридоре испуганно понятые жмутся. Поручик шпорой дрыгает.

— Ничего, ваше благородие, пусто как есть.

— Вот видите,— поручик опять улыбнулся Розенштейну,— а вы беспокоились. Кстати, ознакомьтесь с этой бумажкой.

Михаил взял в руки бумагу с гербами и печатями, увидел только одну строку «Взять под стражу». И стал одеваться.

28 января 1914 года за принадлежность к социал-демократической партии, за организацию забастовок, за проведение в своей квартире нелегальных партийных собраний ранее содержащийся под арестом в Петербургской полицейской тюрьме Михаил Евстафьев Розенштейн по постановлению министра внутренних дел был выслан в Харьков сроком на два года.

«Начальник Губернского
Жандармского управления
3 мая 1914 г
№ 681 г. Харьков

Секретно

Господину Харьковскому губернатору

Настоящим докладываю что ссыльный Розенштейн вошел в состав Харьковской социал-демократической организации и по сведениям агентуры близок к члену Государственной думы М. К. Муранову большевику, от которого имеет полномочия по выбору и посылке делегата от харьковских социал демократов большевиков на конференцию созываемую Международным Социалистическим бюро»

Тридцать первого июля 1914 года, после трехмесячного содержания в Харьковской тюрьме М Розенштейн был этапирован в ссылку в Саратов

В конце апреля 1916 года М Розенштейн, согласно постановлению министерства внутренних дел, был выслан по этапу в Тургайскую область в ссылку на три года

Освободила его революция Михаил вернулся на Путиловский завод и сразу же включился в революционную борьбу

Вот краткий перечень тех событий которые предшествовали приезду Розенштейна в Видлицу

Ночью Михаил проснулся от странного ощущения опасности Казалось что каждый кирпич темноты насквозь пронизан ею Он достал из-под подушки нагал и долго сидел не зажигая света опустив на одеяло руку с оружием. Метель кончилась ветер растаскал облака по небу, и в окно лился зыбкий и прозрачный лунный свет Он смещал контуры, и все предметы в комнате становились неясными и расплывчатыми, отчетливо выделялись в полусне

Над миром висела тишина И Михаил был один в этой ночи один со своими мыслями со своим чувством опасности и болью И тогда он вспомнил Анну и

понял, что нужно как можно быстрее вызвать ее к себе, потому что именно одиночество и повседневное нервное напряжение вызывали ощущение опасности. Сегодня, вспоминая прожитую жизнь, он вдруг про себя отметил, что слишком мало места в этой жизни отвел жене. И вот ночью на него нахлынула такая горькая тоска, так захотелось, чтобы рядом был дорогой ему, близкий человек.

В шкафу стояла подаренная Быковым бутылка с самогоном. «Надо выпить, вот так взять и выпить стакан. Алкоголь разрядит нервную нагрузку, и я засну».

Михаил, шлепая по холодному полу, подошел к шкафу, достал бутылку, зажигу- горлышком, налил полстакана, хотел подумать и добавить еще. Так же, стоя, двигая кадыком, с трудом, как непрожеванный кусок проглотил пахнущую сивухой жидкость и сразу стало тепло.

Потом он уснул, и ему снился Обводный канал, вода, подернутая рябью, и смоленые бока лодки.

1919 год, январь. Территория Финляндии. Село Максила

Митька Гаврилов с прапорщиком Трофимовым шли мимо аккуратных крепких домов села. Уже третий месяц они жили здесь, на самой границе с РСФСР. В селе формировалась добровольческая офицерская дружина. Правда, народу пока было немного, всего восемьдесят человек, но командир дружины, подполковник Шумейко надеялся, что в скором времени с той стороны еще придут люди.

А пока офицеры жили праздно и сыто. Финские власти отвели им несколько домов на окраине села, продуктами снабжали регулярно и вдоволь, даже форму выдали. *После образования независимой Финляндии* на финской территории осталось несколько интендантских складов. Целыми днями офицеры играли в карты, кое-кто пытался волочиться за местными дамами, к вечеру

напивались и, вспоминая прошлое, пели тоскливые и грустительные романсы. Правда, по утрам командир дружины проводил «строевые смотры». Подполковник Шумейко требовал, чтобы офицеры тщательно следили за своим внешним видом.

Настроение у офицеров было неважное. Бессмысленное сидение у самой границы вызывало глухой ропот. Отношения с финскими властями становились натянутыми, многие не хотели признавать независимость Финляндии, полученную из рук большевиков, считая ее по-прежнему Великим княжеством.

Все чаще и чаще начинались разговоры о том, что в Архангельске формируется с помощью союзников новая русская армия и, мол, пора подаваться на север, к генералу Миллеру. Местные финские власти всеми силами противились этому. Им было выгодно держать на границе такую хорошо обученную и вооруженную воинскую единицу. Она могла сыграть важную роль при наступлении на РСФСР. Но пока Хельсинки молчали. Никаких приказов, касающихся начала интервенции, не поступало.

Ни Митьку, ни его коллег, младших офицеров, всех до одного выходцев из богатых семей пограничных деревень, не устраивало вынужденное безделье.

Несколько дней назад Митька Гаврилов чуть не подрался со штабс-капитаном Зыковым, который звал офицеров в Архангельск. На Севере Митьке делать было нечего. Его дом рядом за границей, и там он должен счесть счеты с большевиками и комитетчиками.

После обеда, когда Митька с Трофимовым уселись играть в штосс, к ним прибежал посыльный, фельдфебель Мяк, и передал приказ Шумейко срочно прибыть к нему.

Подполковник жил в самом центре села. Полдома с отдельным входом ему любезно предложил местный лесопромышленник. В доме помещался штаб дружины.

Над крыльцом развевался трехцветный флаг, у дверей дежурил часовой. Офицеры, сбивая снег с сапог, поднялись на крыльцо.

В штабной комнате сидели Шумейко, его помощник капитан Силин, финский разведчик лейтенант Матукайсис и Уно Тухкинен.

Вошедшие замерли у порога приложив руки к папахам

— Раздевайтесь садитесь — Шумейко встал из-за стола и сделал шаг навстречу офицерам

Прапорщики скинули полушубки оправили френчи и уселись к столу

— Я пригласил вас господа офицеры, чтобы поручить важное и ответственное дело Вы знаете что командует красными пограничниками бывший поручик Быков

Шумейко сделал паузу, оглядел собравшихся

— Этот «товарищ»,— зло сказал Уно — хуже собаки

— Попрошу господин Тухкинен не перебивать — повернулся к нему подполковник — так вот господа, мы посылали «товарищу» Быкову письма вчера для личной беседы к нему отправился поручик Горбовский На наши письма Быков не реагировал, Горбовского арестовал

— Вот сволочь — вырвалось у Митьки

— Помолчите — нахмурился Шумейко — Нашим финским друзьям (лейтенант Матукайсис поклонился) стало известно — продолжал командир дружины — что наши верные друзья на той стороне подготовили транспорт с хлебом Ваша задача господа помочь транспорту с хлебом перебраться через границу и ликвидировать изменника Быкова

— И Ровенштейна,— добавил Уно

— И Розенштейна,— согласился Шумейко — В общем, действуйте сообразно обстановке, людей я вам дам, инструкции получите у нашего финского союзника

Матукайсис опять наклонил голову

Февраль.
Граница РСФСР. Утро

Ночью снег падать перестал, и следы выглядели совсем четкими Они аккуратной цепочкой пересекали границу и терялись в лесу Быков, покусывая мундштук папиросы, внимательно разглядывал их

— Шло человек семь, товарищ командир,— сказал один из пограничников. Точно вам говорю. Я из Сибири, промысловик, там любые следы читать научишься. А потом всю войну в охотничьей команде прослужил.

Быков молчал. Он и сам знал, что сегодня ночью границу нарушили семь человек. Только кто они и зачем шли?

— А может, контрабандисты спирт понесли? — *вопросительно сказал второй боец.*

— Нет,— ответил Быков. Он наклонился и начал раскапывать снег рядом со следом.— Вот, глядите.

На ладони лежал мокрый, видимо оброненный нарушителями, патрон от маузера.

— Контрабандисты с этими штучками не ходят. Значит, банда прорвалась. Объявляйте тревогу. В село сообщите председателю комячейки пусть его люди будут наготове.

Видлица.
Волостной Совет. День

Посыльный от Быкова нашел Розенштейна в волисполкоме. Гремя замерзшими сапогами, он ввалился в комнату и протянул председателю комячейки пакет.

— Ты у печки присядь,— посоветовал ему Розенштейн, вскрывая конверт.

Он дважды внимательно перечитал написанное, чуть присвистнул.

Отправив посыльного назад, Михаил вышел в коридор. Он остановился у двери с написанной от руки *табличкой «Волостной милиционер».*

Ромоев, разложив на столе карабин, смазывал затвор ружейным маслом.

— А, председатель,— Иван вытер правую руку о штаны,— заходи, садись.

— На прочти, что Быков нам пишет,— протянул Михаил Ромоеву пакет.

Через час с небольшим улицы села заметно оживились. К волостному Совету начали собираться вооруженные коммунары.

— Куда это вы, мужички? — спрашивали любопытные *бабы.— Никак война?*

— Ага, точно война с турками. Ученье у нас дуре — ответил кто-то

— В такой-то мороз! Бедные бедные

К вечеру все выходы из села были перекрыты. Особенно усиленную охрану поставили у почты, у склада с зерном, на мельнице и лесопилке.

Госграница РСФСР. Вечер

У опушки леса Егоров сказал Розову

— Ты, комиссар, со своими ребятами дальше не ходи. Дальше моя служба начинается. И гляди, чтобы никто не появился.

— Ладно, уполномоченный, иди по своим секретным делам, — Розов поднял воротник шинели, — только недолго — видишь, ветер какой.

В лесу ветра почти не было. Темнело. Огромные сосны мохнаты от снега. Егоров шел одному ему известной дорогой. Если проследить за его следами, то могло показаться, что человек просто заблудился в лесу. Но *если присмотреться внимательно, то становилось ясно*, что в этой видимой хаотичности есть своя цель и строгая закономерность.

Наконец чекист добрался до огромной расколотой надвое молнией сосны. Остановился, перевел дыхание, прислушался. Тихо. Егоров поглядел на часы. Нет, все верно. Неужели связной от Латыша не придет? Где-то хрустнул снег. Егоров достал из кобуры наган, взвел курок. Опять раздался хруст, теперь совсем рядом.

— Кто идет? — спросил вполголоса чекист.

В ответ раздалось три щелчка. Со стороны границы к Егорову шел связник от нашего человека, который в списках ЧК числился под псевдонимом Латыш.

Вид улица. Волсовет. Вечер

Уполномоченный ЧК Егоров докладывал обстановку. В комнате председателя волсовета собрались все члены Совета, члены партячейки, Быков и Розов.

— Таким образом, — говорил Егоров хриплым, простуженным голосом, — от нашего товарища работаю-

щего за кордоном, стало известно, что на нашу территорию проникла банда из семи человек Задание у них — вывезти в Финляндию хлеб припрятанный кулачьем убить товарищей Быкова и Розенштейна

— Вот сволочи! — сказал кто-то

— Собирается обоз с хлебом — Егоров закашлялся и кашлял долго надрывно до слез — собирается в лесу у деревни Кителахте Докладываю вам, товарищи свой план

Выдлица,
Квартира Быкова. Ночь

Начальник погранотряда Быков жил на втором этаже Занимал он две комнаты Практически обходился одной, во второй за неимением шкафа лежали вещи Жилая комната была обставлена по-спартански кой ка стол, три стула гвозди в стене на которые хозяин и гости вешали шинели Над кроватью висела шашка с позолоченным эфесом и надписью на нем «За храбрость» и красным алиенским темляком Вечерами свет лампы падал на позолоту эфеса и он блестел Это единственная красивая и дорогая вещь в комнате

Этой ночью Быков пришел домой засветил лампу, а сам ушел в другую комнату Там еще с вечера сидели в засаде два пограничника План Егорова был простым — задержать убийц прямо на квартире начальника штаба Уйти бандиты не могли, дом был незаметно оцеплен

Быков с бойцами второй час сидели в темной комнате Хорошо, что можно было курить, пограничники догадались занавесить окно

Время шло медленно Но Быков не замечал его он вспоминал свой единственный отпуск с фронта.

Они шли с Наташей мимо Патриарших прудов, была глубокая осень, и вода в прудах стала черно-свинцового цвета с красными пятнами кленовых листьев Наташа куталась в синюю бархатную шубку, и пахло от нее какими-то горьковатыми и тонкими духами

А он читал ей Бальмонта

Я мечтою ловил уходящие тени,
Уходящие тени погасшего дня,
Я на башню всходил, и дрожали ступени,
И дрожали ступени под ногой у меня

Наташа слушала стихи, закинув голову, беспомощно щуря глаза. А Саша читал дальше, глядел на ее тонкий профиль, и руки у него холодели от нежности.

Господи, как бесконечно много отделяет его от той московской осени, от стихов, мамы, Наташи...

И чем выше я шел, тем ясней рисовались,
Тем ясней рисовались очертанья земли.
И какие-то звуки вокруг раздавались,
Вокруг меня раздавались от Небес и Земли.

Прочитал Быков шепотом.

— Вы чего, товарищ командир,— спросил из темноты один из бойцов,— молитесь, что ли?

— Нет, Карпов, это стихи.

— А-а-а — с недоумением протянул он.

И в это время внизу хлопнула дверь. Хлопнула мягко, чуть слышно. И сразу же три сердца в темной комнате забились стремительно и восторженно.

Шагов они не слышали. Один из пограничников осторожно открыл дверь. Теперь они видели все в ее светлом квадрате, их же из той комнаты заметить было нельзя.

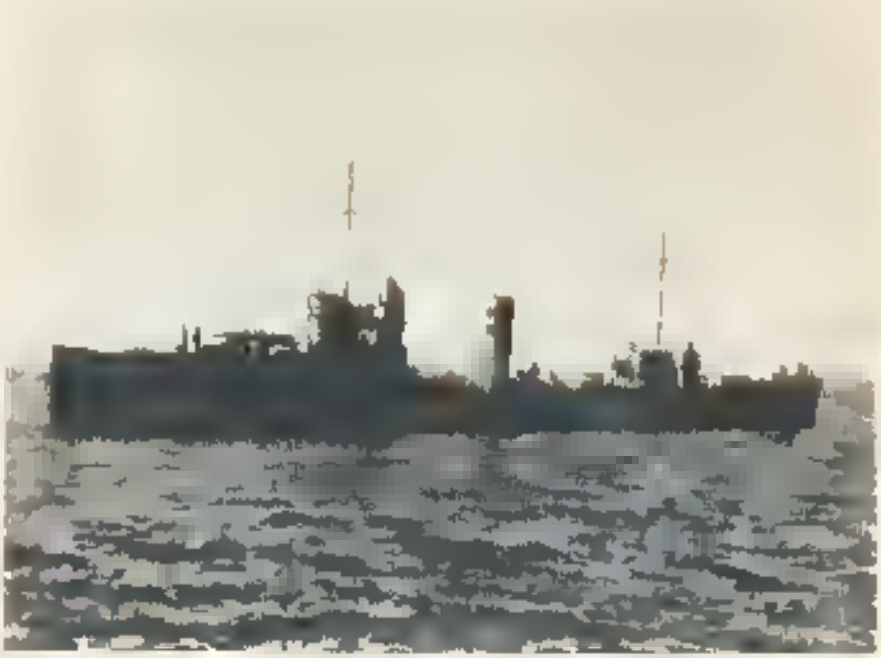
У входа тихо заскребли сапоги. Потом кто-то надавил на ручку, дверь распахнулась, и в комнату ворвался человек в полушубке, засыпанном снегом. В руке его был наган.

Остановился на пороге, увидев, что комната пуста. Тогда он сделал шаг к распахнутой двери. И тут Быков выстрелил. Человек шагнул еще раз и тяжело рухнул, выбросив перед собой руку с наганом.

По лестнице загремели чьи-то торопливые шаги, потом хлопнула дверь, кто-то вскрикнул, послышался шум борьбы.

Быков, перешагнув через убитого, спустился вниз. В прихожей пограничники вязали руки невысокому человеку в серой офицерской папахе. Он уже не вырывался, только повторял как заведенный: «Сволочи... Сволочи... Сволочи...»

Я. А. Текстер
заместитель Олонецкого уездного
военного комиссара



Миноносец «Амурец»

Лес у деревни Кипелахте. Ночь

Луна ушла, и в лесу стало совсем темно. Было тихо, только фыркали невидимые во мраке лошади. Обоз уже весь собрался, не хватало четырех саней.

— Большой обоз — сказал Митька Гаврилов,— как бы не засыпаться. Я думал, саней пять. А здесь двадцать. Нужно на две группы разбиться, иначе границу не перейдем.

— Так и сделаем — ответил Тужинен — ты поведешь одну, а я вторую.

— Только учти, чуть что на границе сразу стрелять и лошадей не жалеть.

— Ладно.

Вдали послышался скрип полозьев, коротко и звонко заржала лошадь.

— Вот сволочь,— выругался Митька — как бы им глотки то позатыкать.

— Ничего — Уно встал с саней и пошел встречать приехавших.

До Митьки донеслись обрывки разговора, чье-то покашливание.

— Митрии а Митрии Петрович,— позвал из темноты Уно,— ты подойди-ка сюда.

Митька неохотно встал и, проваливаясь в снег, подошел к *приехавшим*.

— Это покойного Гаврилова Петра Епифановича сынок офицер — тихо объяснил кому-то Тужинен. И обратился к Митьке — Ты бы этому обозу дал двух офицеров, а то у приехавших с оружием туговато.

— Ладно, сейчас распоряжусь. Пошли — бросил он Уно,— давай скорее, не то завалимся как пить дать.

— Ничего, комитетчикам не до нас. Они сейчас небось поминки справляют. Ты что думаешь зря твои офицерики в Видлицу пошли?

Митьке показалось, что невидимый в темноте Уно смеется.

— Они отпочь их пошли. Уберут двух товарищей а остальным не до нас.

— Значит, чтобы вывести этот несчастный хлеб, и затеяна вся история.

— А ты думал? Хлеб — деньги.

— Значит, люди зря пошли головы подставлять? — В Митьке закипала тяжелая ненависть.

— Ничего, двумя офицериками больше, двумя меньше — Уно вплотную придвинул лицо к Митьке, так что заблестели ровные, словно у волка, зубы — За деньги еще десятерых наймем.

— Сволочь ты,— сказал без злобы Гаврилов,— сволочь.

— Ну это там разберемся в Мензиле.

Они подошли к саням и Митька сел на мешки.

Действуя скорее автоматически, нежели обдуманно, подчиняясь одному ему известному чувству самосохранения Гаврилов тихонько дернул вожжи, выводя сани на обочину дороги. Он и сам не заметил, как в руке у него оказался маузер.

Лес ожил сразу. Затрещали кусты вдоль дороги, и чей-то хриплый от мороза голос крикнул:

— Ложись! Вы окружены!

Митька стегануул лошадей. Они рванули с места, посыпались в снег мешки.

— Стой! — крикнул кто-то невидимый.

Ударили винтовочные выстрелы.

Митька, настегивая лошадей, обернувшись, бил из маузера. Пулей сорвало с него папаху, больно ударили по щеке щепки, сорванные выстрелом.

А он настегивал лошадей, повторяя только одно: «Господи, пронеси, господи, пронеси, господи...»

Со всех сторон темноту прошивали красные иголки выстрелов. Невидимые пули летели где-то рядом. Лошади стелились по снегу, слепо хотели вырваться из упряжки.

«Только бы не запалили лошадь»

Наконец выстрелы и пули остались позади, и тут Митька увидел, что в санях кто-то есть.

— Убью — ткнул он ствол маузера в незнакомца — убью.

— Ты что,— Митька узнал голос Тужинина — совсем от страха ошалел, ваше благородие? Я это

И тут Гаврилов понял, почему так легко шли сани. Уно на ходу скинул на дорогу мешки с зерном.

— Ну,— спросил Митька хрипло — как коммерция, ваше степенство? Хлебушек где? Где деньги, на которые офицеров покупать собрались?

Уно молчал. Только дышал хрипло и часто. Так он молчал до самой границы, молчал, когда они пересекли ее, и только у Манситы сказал, ни к кому не обращаясь, в темноту:

— Погоди же, Розенштейн, погоди.

Март.
Видлицкий завод

Петроград ждал леса. Топливный голод в городе достигал невероятных размеров. Правда, заводы пока работали. Холодный город отдавал последние остатки топлива предприятиям, работающим на оборону республики.

Об этом Розенштейн знал из писем, которые почти ежедневно приходили из Петрограда. Но самое обидное заключалось не в этом. Дров этих здесь было сколько угодно. Лес целый. Трудовая лесная артель работала хорошо. Да и с прошлого года сохранилось кое-что. Гайдуковым, Тухкинену да Никитину не удалось сплавить лес финским промышленникам. Совсем другое волновало председателя комячейки: как переправить это богатство в Питер? Лес надо было сплавить. А для этого техника необходима. Еще осенью почти месяц всей коммуной, да не только коммуной, жители помогали и красноармейцы-пограничники сняли с мели полузатопленный буксирный пароходик «Путиловский завод».

Снять-то сняли, а вот с ремонтом тяжеловато. Это не телега и не сеялка. Корпус конечно починить несложно, а с машиной труднее.

Утром этого мартовского дня, подходя к мастерским, в которых ремонтировали машину с «Путиловского завода», Михаил думал только о ремонте. Уже неделю он целыми днями слесарил здесь, если надо помогал токарям, сменял у горна уставших кузнецов.

Всеми работами руководил его питерский товарищ Саша Некрасов. Он был и за инженера, и за снабженца, и за токаря. Две недели назад Некрасов уехал в Петрозаводск, в Онежский завод,— может быть, там удастся достать вышедшие из строя детали.

— Ну, как дела?— спросил Михаил у кузнеца Афанасьева.

— Хорошие дела, председатель. Очень хорошие,— кузнец вытер ветошью правую руку и протянул ее Михаилу,— приехал Некрасов с час назад. Привез деталей для машины мешка четыре. Теперь скоро кончим.

— А где же Александр?

— Спит он там. Намаялся в дороге очень,— Афанасьев ткнул пальцем в угол цеха.

Михаил пошел туда и увидел, что на куче ветоши, укрывшись брезентом, спит Некрасов.

«Действительно устал если может спать в таком шуме»— подумал Розенштейн.

Ну что же теперь он был спокоен в апреле пароход спустят на воду, и потянет он бесконечные плоты, потянет дрова для Петрограда.

Михаил вышел из мастерских пошел к озеру. Весна уже чувствовалась. Солнце хоть и северное а пригревает, снег пожух и пахнет как-то особенно остро ночами на озере с пушечным гулом лопается лед.

Розенштейн вышел на берег Ладоги. Лед рафинадом блестел под солнцем. У самого откоса вмерзли в него сотни кубометров бревен.

— Ничего скоро мы лес отсюда увезем,— подумал вслух Михаил и полез в карман за табаком. Он решил посидеть у озера. Совсем немного. Хоть полчаса. Просто так сидеть, смотреть на лед, солнце, лес на правом берегу и вдыхать пьянящий мартовский воздух.

Видлица. Волостной Совет

— Товарищи,— Ермаков встал.— открываю совместное заседание волсовета и партячейки. Кому слово? Ты что ли, Розенштейн? Подождешь? Ну тогда я, если разрешите.

Он достал из папки бумагу, пробежал ее глазами и продолжал.

— Значит, дело такое. Наш рабочий класс обязался в апреле буксир спустить на воду. Верно я говорю? — повернулся он к Некрасову.

— Верно, Ермаков, верно.

— Вот и хорошо. Конечно, товарищ Некрасов у нас вроде именинника. В старое время ему вполне можно было бы медаль или крест какой-нибудь дать. Но кресты и медали теперь отменили, поэтому хотим мы от волисполкома наградить товарища Некрасова часами с боем.

Ермаков подошел к шкафу и вынул большие бронзовые настольные часы.

— Правда, украшения, фигуры, так сказать, от старого режима остались, но кому как, а мне, например, такие бабы нравятся,— он указал пальцем на двух полуобнаженных бронзовых красавиц, поддерживающих циферблат.

Собравшиеся дружно захохотали.

— Ну вроде с первым вопросом все. Теперь по второму. В прошлом месяце мы отбили у кулачья двадцать подвод зерна, двести пятьдесят пудиков. Часть в Питер отправили, часть Армии Красной, но кое-что и себе оставили. Так вот, товарищи, вчера пытались наш хлебный склад подпалить. Спасибо милиционеру, успел застрелить поджигателей. Но фактов таких немало, и вы все о них прекрасно знаете. Днем мы хозяева, а вечером вторая власть появляется.

— А куда же ЧК с милицией смотрят? — спросил с места Германов.

— Ты, Михаил, прикинь — милиционер у нас один, и работы у него...

— Так что ты предлагаешь?

— Организовать дежурство наших добровольцев. Пусть несут службу, как красноармейцы-пограничники.

— Дело,— согласился Ермаков,— так и поступим.

Хельсинки. Вечер

Стены комнаты были обшиты дубовыми панелями. Шаги глушил огромный пушистый ковер. За большим овальным столом сидели трое.

— Господин барон,— начал начальник разведки,— наши люди вновь узнавали отношение верхов белого движения к независимости Финляндии

— Ну и что? — Голос у барона холодный и ломкий

— Все так же, как и раньше, ни Деникин, ни Юденич, ни Колчак не хотят признавать независимости Финляндии.

— Я сам офицер императорской гвардии, русский генерал,— барон взволнованно заходил по кабинету,— но мне стыдно за моих бывших сослуживцев. А впрочем, что с них взять. Они командуют армиями, а кругозор у них, как у ротных.

— Да, это все так,— мягко сказал третий, до сих пор молчавший,— вот сегодняшний «Таймс».— Он надел пенсне.— Там пишут: «Если мы посмотрим на карту, то увидим что лучшим подступом к Петрограду является Балтийское море и что кратчайший и самый легкий путь лежит через Финляндию Финляндия является ключом к Петрограду а Петроград — ключом к Москве»[1]

— Это все правильно — начальник разведки взял газету,— но война со страной подарившей нам независимость вряд ли будет популярна в народе Не забывайте что и у нас велико влияние местных коммунистов

— Ну это уже ваша епархия

— Не все сразу — начальник разведки развел руками — подождите немного

— Господа — барон остановился у камина,— нам нужна Карелия Пусть не армия начнет наступление Как с добровольческим корпусом?

— Он готов обучен вооружен.

— Тогда с богом Начинайте Границу должны перейти белые дружины. Задача — захватить юг Карелии, а там время покажет

---

[1] Цитируется по книге «Очерки истории Карелии» т II Петрозаводск, 1964, стр 91

Из «Очерков истории Карелии»

В Южную Карелию внезапно ворвались отряды белофиннов, которые повели наступление в двух направлениях: на Видлицу — Олонец — Лодейное Поле и на Тумозеро — Пряжу — Петрозаводск. Их продвижение в глубь Южной Карелии угрожало тылу и левому *флангу наших войск, действовавших* севернее Петрозаводска.

Апрель.
Деревня Погранкондушки

Рано утром бывший начальник Видлицкого продотряда Иван Алексеев вышел на улицу. Все-таки праздник — пасха, нужно побывать у родственников, обязательно повидать однополчанина. Да и потом в волостном Совете есть дело.

Несмотря на ранний час, на улице играла гармошка. Перебор частушек несся над селом. Это гуляли братья Игнатьевы.

— Ваня, сосед! — крикнул игравший на тальянке Петр Игнатьев. — Иди похристосоваться.

Иван подошел, и они троекратно поцеловались. От братьев сладковато пахло первачом.

— Уже разговелись? — засмеялся Иван.

— Погоди, — задержал Алексеева Петр. — Мишка сейчас сбегает и тебе принесет чуть разговеться.

— Ну, если быстро. — Алексеев так и не договорил, он увидел, что вдоль забора идет человек с винтовкой.

— Кто это? — спросил Иван. — Вроде не наш.

— Да это же Егор Кирхан, кулак из Мансилы, — прошептал Петр Игнатьев. — Гляди, Ваня, с винтовкой он.

Внезапно финн повернулся и вскинул винтовку.

— Стой!

— Да ты чего, Егор, — обиженно сказал Петр, своих не признаешь?

— А это ты. — Кирхан успокоился. — Иди домой, тебе на улице делать нечего. Сейчас будет война, мы

пришли вас освобождать — Финн говорил с сильным акцентом

— Слушай, Петр — зашептал Игнатьеву Алексеев — это война Понял? Беги в Совет а я на заставу Предупредить — Игнатьев поглядел на сразу посерьезневшее лицо Алексеева

— Мы с Мишкой успеем, не подведем

Дом Розова

Никогда Иван так не бегал. Даже когда был новобранцем в лейб гвардии Волынском полку Огородами добрался до дома, где был штаб пограничников и начал бить кулаком в дверь

— Кто там? — На крыльцо выскочил заспанный боец — Это ты, товарищ Алексеев?

— Розова мне Розова — задыхаясь, проговорил Иван

— Пошли, пошли — засуетился пограничник — Никак несчастье какое?

— Финны, в деревне финны

— Ты что несешь? — В сени вышел Розов — Пьян что ли?

— Гляди — Иван кивнул головой в окно

По улице шли три финна в темных куртках, вел их человек в русской офицерской форме с погонами прапорщика

— Трофимов — скрипнул зубами Розов — Гаврилова Митьки друг первый большая сволочь Что делать будем?

Алексеев вбежал в комнату и вырвал из пирамиды винтовку

— Они думают что ты спишь пусть войдут — Он хищно клацнул затвором

— Некогда, надо на заставу спешить. Тревогу поднять

— Я в Совет людей послал — Иван вскинул винтовку ловя на мушку сквозь стекло темную фигурку врага — Давай комиссар я одного сниму.

— Давай

Выстрел слился со звоном стекла Один из шюцкоровцев, подпрыгнув на месте повалился на бок

Розов распахнул дверь выскочил на крыльцо и встретил в Трофимова Прапорщик так и не успевший расстегнуть кобуру свалился около ворот Два других финна убегали к лесу

— Бегом на заставу — скомандовал Розов

И тут они услышали выстрелы со стороны заставы. Там шел бой.

Погранкондуши. Застава

Белофинны наступали Черные фигурки хорошо были видны с заставы Их было много и казалось, на пограничников двигались черные тни Застава отбивалась Но что могли сделать двадцать пять винтовок?

Тогда Розов решил оставить заслон и отходить с основной частью отряда к Видлице

Видлица. Квартира Быкова

У начальника погранотряда Быкова случилась неприятность Отвалилась подметка от сапога Три дня Быков лазил по границе подвязав сапог веревкой промок натер ногу Нужно было идти домой в Видлицу сменить обувь А как пойдешь? На границе неспокойно Такого еще ни разу не было Закопошились финны. Вчера только группа человек двадцать хотела прорвать границу оставили пятерых убитыми на нашей территории и ушли

Быков понимал что это неспроста Недаром верные люди предупреждали мол скапливаются шюцкоровцы в пограничных деревнях А что он сделать может когда у него в отряде всего двести бойцов на многие километры границы Нужно идти в Видлицу поговорить с Розенштейном пусть пришлет на подмогу своих добровольцев

Дома Быков надел новые тонкой кожи сапоги сшитые после того как присвоили ему в семнадцатом году звание поручика. Собирался он тогда в отпуск, хотел пройтись по Тверской. Да не вышло Началось насту-

плечие, потом отступление, потом госпиталь ну а потом закружил поручика Быкова ветер революции.

Наскоро попив чаю, Быков заторопился в Совет. Только закрыл дверь комнаты, как где-то совсем рядом на улице хлопнул выстрел.

Быков привычной хваткой рванул из кобуры наган. Прислушался. Тихо. В полутемную прихожую сквозь кружок от выпавшего сучка прорвалось апрельское солнце, пыль плясала в ярком столбе света.

Быков совсем уже хотел спрятать наган, как внизу бухнула дверь, и в дом шагнул финский офицер.

Быков выстрелил и мимо прижавшегося к стене финна выскочил на улицу.

За домами хлестали винтовочные выстрелы, где-то у Совета торопясь ударил пулемет. И тут Быков увидел Розенштейна. Председатель комитейки бежал вдоль заборов в одной гимнастерке, в руке у него дымился наган.

— Быков, товарищ Быков, к церкви беги! — Розенштейн обернулся.

Из-за угла выскочили четыре финна с короткими карабинами в руках. Михаил прислонился плечом к забору и в сторону солдат из нагана раз! раз! раз! Один упал, остальные прилетели у заборов и открыли огонь.

Видлица. Двор церкви

Ни Розенштейн ни Быков еще не знали, что в ночь с 20 на 21 апреля 1919 года шюцкоровцы вместе с белой добровольческой дружиной перейдя границу на стыке двух погранучастков, начали наступление на Видлицу — Олонец — Лодейное Поле и на Тулмозеро — Прижу — Петрозаводск. И уже в самом начале наступления Видлица оказалась в тылу интервентов.

Розенштейн считал бойцов. Только что они отбили первую атаку. Отбили без потерь. В церкви засело тридцать человек. Патронов хватало. Церковь и ограда вокруг сложены из прочного камня, так что ни винтовки, ни даже пулеметы были не страшны.

— Отсидимся вполне до прихода своих — сказал он

Быкову — пушек, видать, у них нет, ну а пулеметы нам не страшны.

— Отсидимся-то может и отсидимся но нужно послать к нашим с донесением — Быков достал из кармана тетрадь — Ты пока отбери пару бойцов порасторопнее а я напишу

Решили гонцы пойдут с наступлением темноты А пока ждали. Финны, потеряв человек десять угомонились Боец, наблюдавший за селом с колокольни, передал что шюцкоровцы накапливаются во дворах — видно скоро начнется атака

Вдруг от крайних домов к церкви подняв над головой белый флаг зашагали двое Один видно белофинский офицер у другого, высокого затянутого в зеленоватый френч, блестели русские офицерские погоны

— Митька Гаврилов,— Акимушкин зло выплюнул цигарку — Торговаться идет

— Эй Розенштейн выходи! Давай переговоры начнем — крикнул Митька Гаврилов

Розенштейн и Быков поправив пояса гимнастерок вышли за ограду

— Финское командование,— нагло прищурив светлые глаза начал Митька — предлагает вам сложить оружие

— Я начальник погранотряда — шагнул вперед Быков — немедленно предлагаю покинуть территорию Российской Советской Федеративной Республики В противном случае вся тяжесть ответственности ляжет на финскую сторону

— Грозишь? — засмеялся Митька — Да нет уже никакой «Хведерации» вашей понял? Уже наши Петроград взяли

— Вот что Гаврилов — Розенштейн оглядел Митьку всего от кокарды белевшей на околыше до серебряных щегольских шпор — Насчет Питера это ты врешь. Раз А два, учти подойдут наши, пощады не жди. А сдаваться это три, мы не будем. Попробуй возьми нас Так и переведи своему — Розенштейн кивнул в сторону финна

— Я все понял вы неблагоразумны — сказал внезапно финский офицер по-русски и зашагал прочь

За ним заторопился Митька.

— Ну Быков жди атаки — усмехнулся Михаил — сейчас они полезут

Финны пошли в атаку без крика Спокойно деловито, словно на учениях они переползали по оврагам прятались за могильными холмиками кладбища

Розенштейн искал цель Дважды фигурки солдат в коротких серых куртках закрывали прорези прицела Появлялись и исчезали Наконец он все же подцелил одного на мушку Плавно, как на стрельбище, спустил курок Солдат вздрогнул и остался лежать словно грязно серый бугорок.

Выстрел послужил сигналом Тридцать винтовок торопливо забухали из за ограды

Но финны все ползли ползли, казалось, их невозможно остановить ружейным огнем И тогда с колокольни ударил пулемет

Коммунары отбили атаку Вторую за эти два часа Но они точно знали что бой будет таким же длинным как и остаток дня А с озера дул весенний ветер и пах он водой рыбой и сырыми сетями И трава пахла первая в этом году трава и солнце яркое и холодное никак не хотело уходить за озеро

Но вот наконец кончился день И ночь темная и густая словно деготь закрыла село

И тогда двое осторожно переползли через ограду и осторожно ушли к лесу А вслед им в темноту смотрел председатель комячейки Очень хотелось ему верить что дойдут эти двое Потому что знал он, что надеяться может только на быструю помощь из Олонца. А иначе Ох не хотел он думать что будет иначе Только думай не думай а

— Патронов у нас на три хороших атаки — Быков подошел чиркнул зажигалкой Желтый язычок пламени на секунду осветил обросшее за день как-то сразу осунувшееся лицо командира пограничников

И внезапно Розенштейну стало мучительно жаль его и себя и вот тех ребят-коммунаров лежащих у церковной ограды

— Значит

— Вот это и значит Михаил ты не маленький понимать надо Я посты расставил остальным отдыхать приказал, иди и ты поспи потом сменишь меня

— Добро

Спал ли он? Розенштейн и сам не мог понять этого. Просто казалось, что сначала впал в забытье и проснулся сразу, лишь только коснулась его плеча рука Быкова.

Ежась от холода, Михаил обошел посты и сел, прислонясь спиной к ограде. Какие-то обрывки воспоминаний возникали в его сознании. Он гнал их, хотелось думать о чем-то очень важном и главном, хотелось даже в мыслях своих быть чище и строже. Но не выходило, и вспоминал он какие-то мелочи, ненужные и нелепые. Вспомнил он ротного в запасном полку штабс-капитана с диковинной фамилией Деверн, а вспомнив ротного, вспомнил он и Митьку Гаврилова и пожалел, что не шлепнул его тогда в Совете. Мысль о Гаврилове снова вернула его в реальность.

«Ну погоди, гад, погоди!» Захотелось перелезть через стену и бежать туда, к домам. Найти Митьку...

— Товарищ Розенштейн...

— Что? Что такое?

— Смотри!

Он поглядел и понял конец.

Прямо перед церковью стояло два орудия. Видно, ночью их притащили сюда, вырыли для них огневые и установили на прямую наводку.

— Буди Быкова! Поднимай людей! Все к...

Он не успел кончить: первый снаряд рванул прямо на паперти церкви. Тугая волна больно ударила по лицу.

— Все в церковь! — крикнул Михаил.

Огромными прыжками пересек он двор и уже в дверях увидел, как низко над землей разорвалось шрапнельное облачко.

Сколько длился этот бой? Минуту? Может быть, двадцать?

Михаил не помнил. Он только слышал, как визжали врывающаяся в разбитые окна шрапнель, как кричали люди, тяжело расставаясь с жизнью, как бился пулемет под руками.

Вдруг наступила тишина. И Михаил понял, что из тех, кто мог еще держать в руках оружие, он остался один. Но вот замолчал и его пулемет, сжевав до конца

лонгу. Прекратила бить и артиллерия. По кладбищу шла в атаку офицерская дружина. Шла спокойно, в рост. Шла, поблескивал золотом погон.

Видимо, еще жившее в нем чувство самосохранения заставило его подняться по разбитой лестнице на колокольню.

Михаил посмотрел на олонецкую дорогу. Посмотрел, не надеясь, видимо, все из того же чувства. Пусто. А офицеры уже на церковном дворе. Он слышит их громкие голоса. Михаил расстегнул кобуру, вынул наган. Семь патронов. А вдруг последний даст осечку? Рисковать нельзя. Розенштейн сунул руку в карман шинели, и вдруг горячая волна радости захлестнула его. Он нащупал рубчатое хищевидное тело гранаты «Мил...с». Он вынул ее, почему-то осторожно сдул крошки табака, потом привычно выдернул чеку и бросил вниз.

— А-а а!

— Господи, кого же это?!

— Вы ошиблись, прапорщик!

— На колокольню! Там он!

Михаил ждал, глядя в черный провал люка. Когда первый по плечи высунулся над полом, он выстрелил, а потом еще, еще.

Снизу забухали выстрелы. И тогда последний раз взглянув на олонецкую дорогу, на солнце, на озеро, он поднял дуло нагана к виску.

Уно поднялся вслед за офицерами на колокольню и увидел своего врага. Розенштейн полулежал прислонившись спиной к стене. Он был почти как живой, только из черной дырочки у виска медленно текла кровь. Уно на секунду посмотрел в его остановившиеся зрачки и ему стало страшно. Даже мертвый Розенштейн был сильнее его и поэтому внушал Тужкинену мистический страх. И ему захотелось кричать, кричать от страха, и он спрятался за спины, а потом быстро спустился по разрушенной лестнице. Он стоял среди офицеров, у которых были равнодушно усталые лица, словно у батраков-поденщиков после сенокоса, и никак не мог прикурить, больно уж дрожали руки.

Лес у Видлицы

Розов сидел на трухлявом пне прислонившись спиной к дереву Рядом сидели остатки его людей — восемь человек Когда шюцкоровцы обошли заставу с фланга он оставив часть бойцов прикрывать отход начал отступать к Видлице Там Розов хотел соединившись с коммунарами, *держать оборону до подхода главных сил*

Они отходили по полю девять оставшихся в живых, огрызаясь винтовочными выстрелами, стараясь как можно дальше оторваться от противника Но шюцкоровцы почему-то не очень наседали и это начало беспокоить Розова Потом он услышал в селе стрельбу и понял, что в Видлице враг

Разведка которую комиссар посылал в село, доложила, что там полно финнов но наши засели в церкви и держатся.

— Ничего — сказал бойцам Розов,— там Быков и Розенштейн они не такие люди чтобы поддаться Скоро из Олонца подмога подойдет тогда и мы с тыла ударим В таком деле десять человек роты стоит

Ночь они прождали в лесу, без пищи и огня. И вот наступило утро

— Что-то тихо комиссар — подошел к Розову один из бойцов — страшно это

И вдруг до леса донесся глухой басовитый удар

«Орудие — понял Розов — финны подтащили орудие»

Потом он услышал еще несколько выстрелов и наступила тишина.

Комиссар вскочил, выдернул из кобуры кольт

— За мной, в село! — И побежал к видлицкой дороге

Бойцы догнали его повалили на землю вырвали из рук оружие А в Видлице вспыхнула оружейная стрельба вспыхнула и умолкла. Потом наступила тишина

Розов лежал на земле и плакал, он слишком хорошо знал что это такое Потом встал кто то протянул ему револьвер

— Все,— прохрипел комиссар — все Идем на Олонец

Он повернулся к селу и долго словно прощаясь смотрел в его сторону

— Ничего — сказал он наконец — мы вернемся и плохо будет тем кто остался в живых

Олонец. Военкомат

«Весьма срочно Военкому Егорову 21 апреля. Сегодня рано утром отряд белофиннов не установленной пока численности внезапно перешел границу занял деревни Погранкондушки Кавгозеро Видлицы и наступает на Тулоксу

Командир полка Старикова»

Председатель уездного комитета партии и уездный военком Филипп Егоров прочитал телефонограмму дважды потом повернулся к дежурному и приказал вызвать всех работников военного комиссариата — Текстера Николаевского Кунжина Томашевского

— Я на телеграф.

— Связи нет — встал увидев военкома молоденький телеграфист — Лодейное Поле не отвечает

— Дела... — Егоров взглянул в испуганные глаза телеграфиста — Значит задание тебе следующее как только наладится твой машина, немедленно звони мне Понял?

— Так точно товарищ военком

У военкомата строилась караульная рота Командир увидев Егорова начал подравнивать строй. Но военком махнул ему рукой и вошел в здание — сегодня не до парадов было.

Все вызванные собрались у него в кабинете

— Товарищи — начал Егоров — давайте срочно разработаем план оборонительных мероприятий Телеграфной связи нет Поэтому необходимо послать в Петрозаводск донесение Вот текст «В Тулоксе идет бой с белофиннами, связь с Лодейным Полем прервана подозреваю попытку окружения Олонца прошу помощи»

— Владимир Андреевич — обратился военком к Текстеру уездному военному руководителю — распоряди-

тесь чтобы из караульной роты выделили пару бойцов хорошо знающих местность

— Будет исполнено Филипп Иванович

— Теперь товарищи — Егоров сделал несколько шагов по кабинету — объявляем мобилизацию советского актива коммунистов и рабочих в Олонецкий отряд

— Товарищ военком — сотрудник военкомата Кунжин достал из полевой сумки лист бумаги — мы тут с Владимиром Андреевичем все рассчитали, вместе с караульной ротой такой отряд составит двести пятьдесят человек

— Прекрасно это уже военная единица почти батальон

За дверью кабинета послышался шум голос дежурного Он с кем-то ругался громко и зло

— *Это ёще что такое?* — *удивился* Текстер

Дверь распахнулась и на пороге вырос обросший щетиной человек в рваном матросском бушлате

— Вы кто? — начал Егоров — Потом вглядевшись, крикнул — Розов комиссар Розов

Розов сделал несколько шагов по комнате и тяжело опустился на стул.

— Вы привели погранотряд комиссар? — спросил Текстер

— Привел — Розов не мог говорить спазма сжимала горло — Привел — Он указал рукой на окно

Егоров посмотрел на улицу У забора сидело на земле несколько человек в заляпанных рваных шинелях Он начал чисто автоматически считать их «Один, два три четыре пять шесть семь, восемь —»

— А где же Быков где Розенштейн где коммунары?

Розов молчал только руками сжал спинку стула, чтобы не заплакать.

Видлица

Их вели по улицам села Четверых взятых в плен бойцов Они шли плотно, поддерживая друг друга Светило солнце ветер дул по-весеннему теплый.

Четверо в кровавых бинтах и разорванной одежде шли к кладбищу По бокам колыхались жала штыков конвоя

Только что местный суд под председательством попа Морошкина приговорил их к смерти Суд заседал в здании волостного Совета над дверью которого уже прибили вывеску «Волостная управа» Венчал ее основательно затертый двуглавый орел

В комнате где вершили «суд» за столом покрытым трехцветным флагом сидели Морошкин, Уно Тухкинен в финской форме и подполковник Шумейко в парадном мундире В углу в кресле скромный в своем сером френче без знаков различия лейтенант Матукайсис

Гнусаво и длинно священник перечислял грехи и преступления стоявших в комнате Его голос, липкий *как патока наполнял комнату дремотой*

— Погодите ка святой отец — Шумейко хлопнул ладонью по столу — Что вы там читаете? Давайте более конкретно Прямо по фамилиям

— Ромоев Иван Андреев — начал поп — волостной милиционер

— Сволочь — по-волчьи оощерил зубы Тухкинен — самая первая у них сволочь после Розенштейна

— Ты меня не сволочи гад — крикнул Ромоев — Ты мне руки развяжи и с тобой

— Молчать! — рявкнул Шумейко

— Онтиев Алексей Никифоров крестьянин девятнадцать лет — продолжал поп — Дяшев Василий Иванов крестьянин двадцать семь лет Волков Василий Иванов крестьянин двадцать один год.

— Смерть! — крикнул Уно — Всем смерть! — На губах его вздыбилась слюна.

Их вели по улице и из окон горестно смотрели на них бабы крестились закрывали ладонями глаза детей

Никому из приговоренных не хотелось умирать в этот яркий весенний день Да и зимой и осенью не хотелось умирать Потому что слишком мало прожили на этой земле слишком мало сделали из того что задумали

Когда смертников вывели из управы у Ромоева мелькнула мысль о побеге Но шюцкоровцы окружили

[illegible]и стеной, и не было даже самой малейшей возможности прорвать цепь штыков Оставалось одно — умереть как подобает большевикам

Их привели на кладбище где загодя вырыли неглубокую могилу От свежей земли шел пар и дурманящий дух Конвой ждал Казнь не начинали

Наконец из поповского дома появился Митька Гаврилов Он шел покачиваясь ноги разъезжались словно не свои, зеленый нарядный мундир с серебряным воротником был расстегнут из-под него белела нижняя рубашка.

Митька подошел к осужденным несколько минут тупо разглядывал их Потом икнул

— Кто из вас большевики спойте громче всех. «Боже царя храни...» тот жив останется — Язык у него заплетался казалось что правщик говорит с полным ртом — Ну!

Митька поскользнулся один из шоцкоровцев услужливо поддержал его под локоть

Тогда вперед шагнул Ромоев

— Правильно господин милиционер начинайте — осклабился Гаврилов

Ромоев шагнул вплотную к нему и плюнул офицеру в лицо

Митька качнулся назад, заскреб пальцами по кобуре доставая наган и выстрелил.

Это и послужило сигналом Конвой открыл огонь.

19 июня.
Штаб Олонецкого боевого участка

— Прошу товарищи командиры,— помощник начальника штаба Федор Машаров распахнул дверь приглашая участников совещания пройти к нему

Когда все расселись по местам Машаров расстелил на столе карту

— Только что из Видлицы вернулась разведка Ею установлено что в селе скопилось большое количество белофиннов у них много оружия и военного снаряжения Теперь прошу нанести на ваши карты места расположения огневых точек противника. Вот здесь —

Машаров показал карандашом на устье реки Олонки,— батарея дальнобойных орудий Нанесли? Так дальше На правом берегу у старой часовни восемь полевых сорока пятидесятимиллиметровых пушек На территории завода главный штаб и казармы Там же госпиталь и склады Особо прошу артиллеристов отметить госпиталь Чтоб ни один снаряд в нем не разорвался

Сегодня ночью наших разведчиков передадут на миноносцы «Амурец» и «Уссуриец» Они будут корректировать огонь

Двадцать второго июня был отдан боевой приказ войскам Междуозерного района Перед Олонецким участком была поставлена задача корабли Онежской флотилии должны были высадить десант у устья реки Тулоксы и у села Видлицы Сухопутные части после артподготовки начинали атаку по всему фронту

25 июня.
Штаб Онежской флотилии

Командующий флотилией Э С Панцержанский любил твердый морской порядок За стеклами иллюминаторов плескалась вода солнце играло на полированных панелях За столом собрался командный состав флотилии

Было решено отряду в составе посыльного судна «Петрозаводск» миноносцев «Уссуриец» и «Амурец» заградителя «Яуза» сторожевых судов «Ласка» и «Выдра» и колесного парохода с десантом выйти на траверз села Видлицы, подавить огнем орудий береговую оборону и способствовать всеми силами высадке десанта

Борт посыльного судна «Петрозаводск». 27 июня

Суда шли кильватерной колонной за «Петрозаводском» и командующий скорее угадывал нежели различал хищные очертания миноносцев за кормой. Где-то в

конце кильватера шлепал по воде колесный пароход с десантом И именно этот совершенно штатский пароход был самым главным среди мощных военных кораблей

Борт миноносца «Амурец»

— Подходим к Видлице командир — доложил вахтенный

— Время?

— Четыре пятьдесят пять

Где-то на берегу ударили орудия, послышался свист снарядов Было видно как они ложились впереди кораблей вздымая фонтаны воды

— Из полевых бьют — крикнул вахтенный,— калибр небольшой

В пять тридцать заговорили орудия боевых кораблей Флотилия открыла огонь из главного калибра Тяжелые снаряды морских орудий сметали береговые батареи противника В бинокль было видно как в селе начались пожары

Под прикрытием огня десантные суда пошли к берегу

Устье реки

Пароход напрягался из последних сил бил лопастями колес по воде

— Быстрее! — орал командир десанта старичку капитану — Быстрее!

— Быстрее не могу — старик был невозмутим — у меня озерный пароход а не эсминец

Но все же берег приближался. Берег огрызающийся свинцом Где-то на озере гулко ударили орудия и в устье реки встали тяжелые фонтаны воды.

— «Амурец» бьет — крикнул командир,— прикрывает нас Приготовиться.

Пароход еще не подошел к берегу а уже с его борта посыпались люди Вот первые достигли берега и бросились в штыки Над окопами замелькал красный флаг который несли десантники

Село Видлица

Розов бежал мимо разбитых орудий, мимо мешков с песком, мимо трупов тех, кто еще несколько минут назад был противником. Он первым со своим отрядом высадился в Видлице. Берег был чистым, но на улицах еще огрызались отступавшие шюцкоровцы.

Почти без потерь отряд добрался до площади, и тут ударил пулемет. Он бил вдоль улицы, и металлическая его строчка перечеркнула дорогу. Матросы залегли.

— Вперед! — кричал Розов. — Вперед, балтийцы!

Они поднимались, но пулемет снова бросал их на землю. Тогда Розов достал гранату и пополз на это окно, из которого дышала смерть.

Лента кончилась. Митька Гаврилов открыл приемник и начал закладывать новую. Вдруг что-то пролетело мимо него, словно большой булыжник.

«Граната», — подумал Митька и увидел столб огня, который закрыл небо и солнце.

Видлица горела. Бросая оружие, шюцкоровцы уходили к границе. Розов шел по освобожденному селу к кладбищу.

— Где? — спросил он у старушки, стоящей около ограды.

Она повела вдоль могил на другой конец.

— Здесь они, сынок.

Розов стоял над свежей могилой и снова вспоминал их живых, улыбчивых, смелых: Сашу Быкова, Мишу Розенштейна, Сашу Некрасова, Володю Арожова.

А *ветер с Ладоги пробивался сквозь запах гари*, и был этот ветер свежим и крепким. И нес он новую жизнь для села, для всей Карелии, для всей страны.

— Мы здесь памятник поставим, — Розов снял бескозырку, — из мрамора и имена их выбьем. Пусть помнят потомки, кто пролил кровь за их счастье.

«Постановление Петроградского Горсовета 1923 г.

Переименовать Лихтенбергскую улицу на улицу имени верного сына революции Михаила Розенштейна».

Село Видлица
Лето 1973 года

Наверное тогда пятьдесят с лишним лет назад было такое же небо и солнце точно такое и ветер с Ладоги

Мы стоим на окраине Видлицы. Я и восьмилетний Борька сын моих квартирных хозяев Мы стоим у гранитного обелиска и Борька медленно читает мне выбитые золотом фамилии Он читает, а я тихонько глажу его теплую от солнца голову

Хрущкий Эдуард Анатольевич
ХРОНИКА ВИДЯЩЕЙ КОММУНЫ

Заведующий редакцией *А И Котелянец*
Редактор *Л Б Ястребов*
Младший редактор *А С Алексеев*
Художник *В В Ашмаров*
Художественный редактор *Г Ф Семиряженко*
Технический редактор *Н Е Трояновская*

Сдано в набор 13 ноября 1973 г Подписано в печать 21 февраля 1974 г Формат 84X108¹/₃₂. Бумага типографская № 1 Условн печ л 4,41 Учетно-изд л 2,01 Тираж 75 тыс экз А 11953 Заказ № 2534 Цена на 15 коп

Политиздат Москва А 47 Миусская пл 7

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий» Москва Краснопролетарская 16.